

смена

|

издательство ЦК ВКП(б) "ПРАВДА"

Вашетка об антифашистах

КНИГАХ

„Я—СЫН ТРУДОВОГО НАРОДА“*

Герои новой повести Валентина Катава с первых же страниц покоряют сердце читателя. Вернувшись с германской войны бомбардир-наводчик Семен Федорович Котко; его сестра — штурмовой и веселый подросток Фрося; его невеста — Софья Ткаченко; председатель сельсовета — тонкий знакомец деревенских обычаяй Трофим Ременюк; приятель Ременюка — черноморский матрос Царев, — предстают перед читателем, каждый со своими магиями, внешностью, особенностями речи. Автор любовно, с мягким юмором изображает быт украинской деревни и историю сватовства Семена Котко к Софье Ткаченко...

Но героя повести живут в грязное время, насыщенное величайшими историческими событиями. Империалистическая война превращается в войну грандиозную. Немецкие войскадвигаются на Советскую Украину вместе с украинскими гайдамаками, польскими легионерами и русскими белыми офицерами. История властно вторгается в личную жизнь Семена Котко, требуя от него решения, на чей он стороне.

Решение подсказано самым ходом событий. Сватовство Семена расправивается: его сваты Ременюк и Царев убиты немцами, отец невесты — фельдфебель Ткаченко — перехватил на сторону врагов и пытается насильно выдать doch за белого офицера. Семен идет в партизаны, защищать от захватчиков свою родину, свою семью и получеченную им землю. Софья покидает отца и бежит к Семену.

Повесть Катава раскрывает в художественных образах смысл

* В. Катав. — Я — сын трудового народа. Днепроп., № 1937.

высказывания В. И. Ленина: «Мы —оборонцы теперь, с 7 ноября (25 октября) 1917 г., мы — за защиту отечества с этого дня». Фельдфебель Ткаченко, стоящий при Керенском за «войну до последнего конца» и гибший солдат в наступление артиллерийским огнем, теперь перешел на сторону немцев, а Семен Котко, только умавший о том, чтобы скорей кончить войну, возвращается на ту самую батарею, из которой он ушел по демобилизации. Теперь ему есть что защищать. Германский империализм из соперника русского империализма превратился в классового врага русских и украинских рабочих крестьян. «Против иноземного ига, идущего с Запада, Советская Украина поднимает освободительное движение отечества на войну», — таков смысл событий, разыгрывающихся на Украине. Эти слова товарища Сталина, взятые эпиграфом к книге, скато формулируют ее содержание.

Борьба учит Котко классовой империалистии. Когда-то Котко «уважал» Ткаченко: из-за любви к его дочери для ему возможности убежать, когда фельдфебель был арестован солдатами на фронте. Он узнал, какова благодарность врага народа, когда Ткаченко принял немцев в родную деревню Воронеж-полевой суд приговорил Котко к смерти. Ткаченко, надеясь, предложил ему перед расстрелом выкупить папиросу. Котко оценил «милость» врага и, когда его выручали полосневшие партизаны, не пощадил изменника родины.

Проходит без малого двадцать лет. Семен Федорович Котко — директор алюминиевого комбината в Запорожье — и его жена Софья Никаноровна стали пожилыми людьми. Они стоят на Красной площади в Москве в день первомайского парада и слушают, как им Трофим, боец Пролетарской дивизии, повторяет вслед за народным комиссаром обороны слова торжественного обещания: «Я — сын трудового народа!»

Идея советского патриотизма, смыслъе о том, что «защита отечества есть священный долг каждого гражданина СССР», пронизнула вся повесть Катава, представляющая значительный интерес для нашего читателя.

В БОЯХ С ФАШИЗМОМ*

Гитлеровский посол делает неясное представление австралийскому правительству, и Кипп за- предает инсайду на берег.

Составляется комитет защиты Киппа. Все, противостоявшие союзу черному лагерю фашистской реакции, примикают к движению. Задержанный на пароходе, который обходит австралийские порты, Кипп, используя разгоревшуюся вокруг его имени сенсацию, раздает бесчисленные интервью, блесчет физионом и требует ответа, почему непускают его на берег. МОПР возбуждает иск против капитана парохода, фактически подчиненного Киппу. Суд отклоняет иск. Тогда в Мельбурне Кипп попросту... прыгает на берег. Путь это стоит ему перелома ноги, но он уже стоит на земле Австралии и имеет право остаться на ней. Но и с передышкой ногой его волокут на пароход. Судьба Киппа волнует весь мир, следят за запросом в английском парламенте, борьба в Австралии становится все яростнее, антифашистский фронт сплачивается и крепнет.

Под давлением общественного мнения удается установить в новой судебной инстанции, что нет никаких оснований непускать Киппа в Австралию. И вот он начинает свой триумфальный путь по стране, выступая на бесчисленных митингах, агитируя за народный фронт, разоблачая кровавое лицо фашизма.

Мы опустим подробности: как для того, чтобы доказать «умственную неподвижность» Киппа, его подвергли экзамену на почте забытому гальвакельским языке; как «случайно» его судно не передали на... немецкое судно и т. д. и т. п.

Все это звучит фантастически, но это правда — такова действительность, поражающая нас подностью фашизма и героизмом антифашистских борцов.

Во второй части книги с обычным для него блеском Кипп описывает прошлое и настоящее Австралии.

Он рассказывает о черных областях Австралии, беспощадно истреблявших белыми поселенцами: рассказывает о «преступниках», отвергнутых европейской родиной и соглашенных в ликую Австралию, которую они превратили в культурную страну; рассказывает, как кризис ударила по Австралии, разрушая иллюзии «постепенного и мирного» улучшения жизни рабочего класса: прославленная некогда реформистами как «рай для рабочих» Австралия охвачена иными жесточайшими бедобратиями.

Кипп эту с захватывающим увлечением прочтет молодой советский читатель.

Эту книгу он написал о себе.

Что то ликую на это писателя, чьими героями были люди всех стран, классов, профессий — все, кроме него самого?

Получилось так, что сам писатель оказался в центре остройнейшей классовой схватки, разделившей столицу малоизвестную нашему читателю Австралию на два лагеря.

Вот как это было...

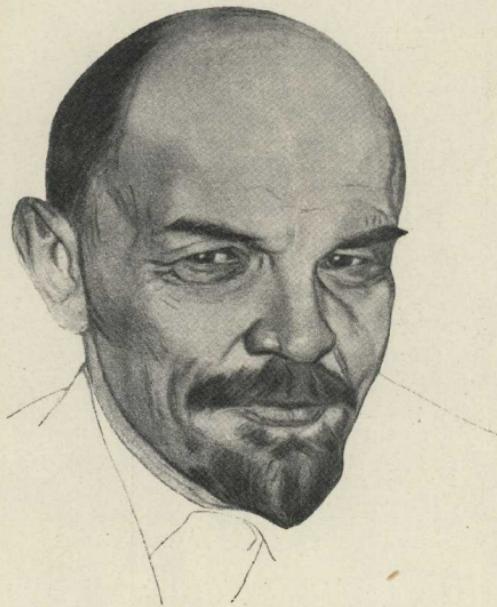
Эгон Эрвин Кипп едет на антифашистский конгресс в Австралию в качестве делегата Всемирного комитета борьбы с войной и фашизмом.

* Э. Э. Кипп «Высадка в Австралии». Жургээздэгийн. М. 1937.

Журнал
рабочей молодежи
Орган ЦК и МК ВЛКСМ

Смена

Январь 1938 года
Номер первый
Год издания XV

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН.

С портрета художника Н. Андреева.

21 января

Я помню, как в пляшущих легких снегах,
Сквозь гулкий буряк, заносивший окруту,
Птица, сидевшая на проводах,
Маленьkim сердцем слушала выругу.
Она подмыла мохнатый зоб
И, хвейными лапами переступая,
В холодное небо, как в синий сутроб,
Глядела пристально, не мигая.
И хлопья, свистящие на лету,
И белые перья дремучей метели
То падали наизлинь, то сносили лесами,
То приграчило таян на свету.
А выгога в большой задувала рог,
Металась, как зверь, на лохматом просторе.
И медленно шло с четырех дорог
Израненное ветрами горе.
Я помню, как мать утирала слезы
Тяжелой морщинистою рукой.

Как встал комсомолец, седой от мороза,
У знамени с траурной каймой.
Как, бабкин (что ли!) закутанный шалью,
Прошел пионер, подмыная горы.
Как люди, обтыты одной печалью,
Площадь замкнули со всех сторон.
И в бурю рванулась звезда голубая,
Промерзлая вскинула вышину,
И грянул салют.
И легла больница,
Мир оглушившая тишина.
И долго еще над заснеженной ширью
Бродили гудки, оторвав вдалеке...
...Так мы хоронили вождя в Сибири,
В далеком
Маленьком
Городке.

Сергей Островской

Иосиф Виссарионович Сталин и Вячеслав Михайлович Молотов.

Был Ленин первым, кто повел,
Кто вражеские гнезда впрах разнес,
Кто над землей, как орел,
Поднялся, стоя за бедных.

Рабочих всех объединив,
Царя-злодяя изгналики,
Ушел он, дело поручив
Тебе, великий Сталин!

Основан Ленин заложил,
Но ты постройку завершила,
И каждый счастлив вожак
Под новой кровлей, Сталин!

Железным ломом горы зла
Тобой разрушены дота,

Заря над родиной взошла,
Вселеной зодий — Сталин.

Ты данный Ленинem завет
Хранишь, дерка в руках, как свет,
Спасаешь люд от черных бел,
Мир озаря, Сталин!

Твой всегда самыен мудрый зов.
Он в каждый велет большевиков,
Вармия старей мир оков,
Всегда победный — Сталин.

Ты днем и ночью у руля
Тебя послушна вся земля.
Прав Сулейман, так говори:
«Создатель счастья — Сталин».

Сулейман Стальский

Перевод Эфреда Канева.

НОВЫЙ ГОД

Начался тысяча девятьсот тридцать восьмой год.

В ночных смеях 31 декабря 1937 года стахановцы боролись за первые производственные победы третьей пятилетки. Вдоль гигантской ленты границ зорко несли свою вахту пограничники. А в городах и селах огромной страны сильны огни дворян и дома трудащихся. Советские люди паскали и пели. Дети водили хороводы вокруг разукрашенных елок. И миллионы строителей коммунизма поднимали тост за главного архитектора страны — за товарища Сталина, чье имя было у всех на устах в новогоднюю ночь.

О чем говорили, о чем мечтали в канун нового года советские люди?.. Михаил Водопьянов поднимал бокал за покорение Южного полюса, за то, чтобы «землю шир вращали на большевистской оси». Макар Мазай подсчитывал, сколько тонн стали дала его пещер сверх годовой программы (всё от с товарищами выплыло плаве еще к 12 декабря!). В сельскохозяйственной академии имени Тимирязева комбайнер Константин Борин обещал дружам «много учиться, много работать над собой». Академик Губкин писал в «Правду» о широких планах геологического изучения нашей родины в 1938 году. В Художественном театре отмечали 35-летие постановки «На дне» и Москвы, Качалов, Кин饥ер-Чехов с новым подъемом и блеском воссоздавали на сцене бессмертные горьковские образы. И всех советских людей вдохновляло то чувство, которое хорошо выразила т. П. Пичугина — один из депутатов Москвы в Верховный Совет ССР: «Мы знаем, он будет прекрасен, 1938 год, он не может быть иным...»

Что шатает могучий всепобеждающий оптимизм граждан СССР? Откуда это ясное знание будущего, эти спокойствие и уверенность, которые незнакомы людям за рубежами нашей страны? Мы знаем источники этого оптимизма. Они в двадцати летнем опьте победоносного строительства социализма. Они в сознании того, что наши руководители Ленина—Сталина, не знающие поражений. Они в факте морального и политического единства народа, сплоченного, как никогда, вокруг Сталинского Центрального Комитета и Советского Правительства.

Чудесны, бессмертны в своем величию все двадцать лет советской истории. Но успешный 1937 год будет особенно ярко сверкать в летописях коммунистического общества.

Озаренный взошедшим солнцем Сталинской Конституции, 1937 год предстает перед людьми будущего во всем богатстве своих дел, подвигов, мыслей и песен. Это был год, покоривший Северный полюс. Год, давший стране несالمанный, семимильный яркий урожай. Год, соединивший Болгарию и Москву. Год, сделавший близкими миллионы Александра Пушкина и Шота Руставели.

В великом 1937 году советский народ одержал решающие победы над своими врагами. Были пойманы с поличином троцкисты и бухаринско-риковские диверсанты и шпионы. Капитальный мятеж диктаторы прогластили на головы этих грязных наемных убийц из агентуры Гестапо. Советская разведка, руководимая большевиком стalinской закалки — Николаем Ивановичем Ежовым, — расстроила планы фашистских агрессоров. Славно поработали наркомвнедельцы в 1937 году! С помощью тысяч советских патротов они очищали нашу советскую землю от фашистской нечисти. И не даром с такой любовью отмечал советский народ 20-летие ВЧК — ОГПУ — НКВД.

Самым запоминающимся днем ушедшего года было 12 декабря — день выборов в Верховный Совет ССР.

Девяносто миллионов человек голосовало за кандидатов блока коммунистов и беспартийных, за партию Ленина — Сталина, за Сталинский Центральный Комитет и Советское Правительство. А всего участвовало в голосовании 91,1 миллиона человек. Ни одна власть в мире никогда не опиралась на такую поддержку народа.

Первым депутатом Верховного Совета ССР был избран

Иосиф Виссарионович Сталин — великий продолжатель дела Ленина, вождь трудящихся всего мира.

С радостью услышали весь о результатах выборов наши друзья во всех странах света, бойцы республиканской Испании, солдаты Китая, антифашисты Франции, Германии, Италии, Польши... Новый приталок бешено злобы к ССР вызвал эта же весть у наших врагов. Враги коммунизма не сложили оружия: они будут готовить новые злонамеренные провокации против нашей страны. Но советский народ, ставший зорче, блестяще в 1937 году, еще выше поднимет свою бдительность в 1938. Горе врагу, который осмелится нарушить мирный труд строителей коммунизма! Горе врагу, который заходит испытать силу Рабоче-крестьянской Красной армии и Красного флота!

Победа стахановского блока коммунистов и беспартийных затянула эпизодом всю нашу страну. Вдохновленный этой победой, советский народ с удостоверенностью силой будет решать сложные и ответственные задачи 1938 года. И в первую очередь советский народ будет бороться за широчайший разворот стахановского движения. Для ленинского комсомола нет более почетной задачи чем всенародная помощь партии в развертывании социалистического соревнования и стахановского движения.

Враги народа, пребывающие в комсомоле, в свое время пытались отвлечь внимание советской молодежи от стахановского движения. Это делалось подданными троцкистско-бухаринскими агентами во вредительских целях. Но ставка врагов оказалась ошибкой. Задача ВЛКСМ состоит в том, чтобы «итти во главе молодых стахановцев, оказывать им помощь, руководить их работой, жизнью и учебой, умножать их ряды и на этом воспитывать молодые бойцов за дело партии» (Косарев).

Тысяча девятьсот тридцать восьмой год началась. Его первые декады ознаменованы подъемом всего народа в связи с открывшейся в Кремле 1-й сессии Верховного Совета ССР.

Рабочие, колхозники, интеллигенты горячо приветствуют своих избранныков. Всесовью пятьдесят пять коммунистов и двести восемьдесят восемь беспартийных — депутаты Совета Союза и Совета Национальностей, — выполнили волю народа, приступили к своей государственной работе. Вечным примером в их работе, неутасимым маяком будет образ Ленина, откликанный в бессмертных стalinских словах: «Избиратели, народ должны требовать от своих депутатов, чтобы они оставались на высоте своих задач, чтобы они в своей работе не спускались до уровня политических обывателей, чтобы они оставались на посту политических деятелей ленинского типа, чтобы они были такими же ясными и определенными деятелями, как Ленин (а п о д и с м е н т), чтобы они были такими же бесстрашными в боях и бесподобными к врагам народа, каким был Ленин (а п о д и с м е н т), чтобы они были свободными от всякой пакости, от всякого подобия пакости, когда дело начинается осложниться и на горизонте вспыхивается какая-нибудь опасность, чтобы они были такие свободолыны от всякого подобия пакости, как была свободен Ленин (а п о д и с м е н т), чтобы они были такие мудры и неторопливы при решении сложных вопросов, где нужна всесторонняя ориентация и всесторонний учет всех плюсов и минусов, каким был Ленин (а п о д и с м е н т), чтобы они были также правдивы и честны, каким был Ленин (а п о д и с м е н т), чтобы они также любили свой народ, как любил его Ленин (а п о д и с м е н т)».

Юноши и девушки нашей страны гордятся тем, что в Верховном Совете вместе со Сталиным и лучшими его соратниками заседают многочисленные представители советской молодежи. Советская молодежь в 1938 году будет работать так, чтобы оправдать эту высокую честь. Вместе со всем советским народом она сделает 1938 год годом новых исторических побед коммунизма.

Рисунки И. Гринштейна

Французский писатель Андре Мальро, получивший в 1933 году тюнисскую премию за роман «Условия человеческого существования», сейчас находится в Испании и участвует в борьбе испанского народа против фашизма. Во главе одной из республиканских эскадрильй летают пилоты из разных стран.

Роман «Надежда», откуда взят помещаемый ниже отрывок, содержит описание героической борьбы испанского народа с фашистами и германо-итальянскими интервентами. Действие его развертывается в Барселоне, в Мадриде, на фронтах — на земле и в воздухе. Роман печатается одновременно в нескольких цветах народного фронта и входит отдельным изданием.

В главе «Бой у Теруэля» рассказана история одной из генеральных операций республиканской авиации. Завис из четырех самолетов вылетает, чтобы разгромить неприятельский аэродром. Герои романа — летчики Интернациональной бригады: французы Маньян и Гарсиа, араб Саки, итальянец Скали.

В карауле был установлен полевой телефон. Полковник Маньян, наезд на позиции, следил за тем, как садится многоместный самолет «Лута».

— Готов к оперативному отбою. Есть наработы два аппарата?

— Да.

— Командир Гарсия посыпает к вам крестьянин из северного Альбасинса. Сегодня ночью он прошел через позиции фашистов. Он говорит, что рядом с его деревней находятся поля с самолетами. Без подземных ангаров.

— Я не верю в их подозрения англичан... Я писал об этом в своем д报ераже. Мы при разбомбили площадку на сарагосской дороге не потому, что самолеты находятся где-то под землей, а потому, что они на тайных аэродромах.

— Мы посыпаем крестьянину к вам. Обдумайте поручение и вызовите нас.

Полчаса спустя пришел крестьянин в сопровождении младшего офицера из оперативного отряда. Маньян взял крестьянина под руку, и они пошли вдоль поля.

— Ты прошел через позиции, чтобы предупредить нас? Спасибо от имени всей страны!

Крестьянин улыбнулся ледянистой умбрийской горбине.

— Где они самолеты? — спросил Маньян.

— В лесу.

Крестьянин поднял указательный палец. Между оливковыми деревьями виделись пустые окна, где были спрятаны самолеты Интернациональной бригады.

— Они сделали окно вондо второе. Но гораздо глубже, потому что там висит вся машина.

— Какой у них аэродром?

Крестьянин поклонился вокруг:

— Нет, не такой.

Маньян выпустил блокнот. Крестьянин нарисовал поле.

— Согласен, узок?

— Непрекрасно... Но солдаты много работают. Они его расширят.

— В каком направлении?

Крестьянин поклонился, прислушиваясь к ветру.

— Справообразование восточного ветра.

— Сделаю самолеты?

Правда волос падала у крестьянина на лоб, как хохол попугая. Он спо-
вя поднял указательный палец.

— Я насчитал шесть маленьких. Но кое-кто из ребят тоже разуме-
вал. Они несогласны: они говорят, что там на крайней мере еще столько же больших.

Маньян подумал. Он выпустил карту. Как он и предполагал, крестьянин не умел ее разбираться.

— Это то, что я профессия. Возьми меня в машину, и я тебе покажу.

Дело простое.

Маньян понял теперь, почему Гарсия ручалась за крестьянина.

— Ты можешь инбудь летал на самолете?

— Нет.

— Ты сможешь узнать площадку?

— Я двадцать восемь лет живу в этой деревне. А потом работал в городе. Ты можешь найти мне дорогу в Сарагосу, я пошлю тебя в по-
ражу. Будь покон.

Маньян снова вызвал по телефону операторов отеля.

— Вражеских самолетов, должно быть, с десяток приблизительно...

Люди в звукометрии и в инфракрасном излучении. Я исподуши знаю район. Ставка серебряная. В эту пору погода там редко бывает ясной. Мое предложение: я телефонирую в пять утра на метеостанцию в Сарине, и, если погода будет не слишком туманной, я лягу туда.

— Полковник Бартес предоставляет репортаж вам. Если вы по погоде, он даст в ваше распоряжение самолет капитана Рамоса. Не забывайте, что, может быть, в Сарине будут наши истребители.

— Адечно, спасибо... Да еще одно: вылезать ночью — это хорошо, но аэропорт не освещен. Есть у вас фара?

Нет.

Значит, нужно вылезать ночью с маской неосвещенной площадки. Можно было бы обозначить границы аэродрома автомобилями. Надо разместить автомобили.

Маньян сел в машину и поехал сквозь темноту ночи в комитет солдатской деревни.

Реквизированные предметы всех сортов: швейные машины, картины, листья, краяты, — свисающие грудой в глубине помещения, придавая им причудливый вид.

Одни из комитетчиков пододел к Маньяну.

— Мне нужны машины, — сказал Маньян, понимая ему руку.

Крестьянин поднес руки к небу.

— У меня их пять, из них три полуразбиты, а нужны мне двенадцать. Как я могу дать тебе их? Если бы еще одну...

— Нет, не одну. Если наши самолеты полетят в Теруэль, они остановят фашистов. Если нет, — фашисты уничтожат солдат народной милиции. Это вопрос жизни и смерти для многих товарищей... А для чего нужны машины?

— Для меня важного дела... Когда тебе нужны машины?

— В четыре часа.

Делегат пошел обсудить дело с двумя другими. Вскоре он возвратился:

— Сделаем, что сможем. Я обещаю тебе три машины. Если удастся, дадим больше.

Маньян сидел в одной из ночных деревень в другом, переходившим в комитет, залитым светом, реквизированным хламом, в свете оптикутенных зон, где на стенах висели фотографии собравшихся крестьян и комитетчиков.

Он прославил декоративно расщепленные пустынные площадки.

Во всех деревнях нашлось двадцать три автомобиля. Маньян обещал курс на Теруэль.

Когда он возвратился на аэродром, уже подъезжал первые машины.

К четырем с половиной часам пришло двадцать легковых машин и шесть полуразбитых.

— Маньян, властел посыпаны. Три самолета скользят на аутом, скользят, разделяясь друг от друга ориентированными огнями. Внизу трапеция аэродрома, среди маленьких отходов, как бы затерянных в ночном пространстве. Три многоместных самолета летят впереди. Маньян взял курс на Теруэль.

Он посмотрел внутрь кабин. Там было все еще темно. Потом солнце загорелось и смешалось багровым лицом пустынечки.

— Салют, начальник!

Маньян не мог изогнуть глаз от его широкого смеющегося рта, от сломанных зубов, рожицы и двух воспаленного сомы. В самолете сидела вся компания.

— Ты самолеты видел? На земле была еще ночь. В несном свете

туро самолеты приближались к первому голому барагру.

— Если их самолеты еще не в земле, мы взлетим как раз впереди.

Маньян стал различать крыши крестьянских домов: на земле вставал дневь.

ДЕНЬ ВСТАВАЛ НАД МОРЕМ ОБЛАКОВ

Первый бараг был взят. День поднимался над морем облаков. Маньян множество раз дразнил на этом, теруэльском фронте, взглянув на юг, как Малайский полуостров, и знал его напузье. Он знал самолет по памяти.

Должно быть, на земле уже полностью наступила ночь. Маньен видел справа «Утку», которую вел Гарде, слева — испанский многоместный самолет капитана Рамеса. Оба шли немного позади, соединенные с «Лорисом» линии поэти, как две руки с темой в спокойной бесконтактной манере.

То тут, то там появлялись черные зрачки Теруэльского хребта. Справа массив, который называли называют снежной горой, — спирался под зимним солнцем белизна над бледными облаками.

Без сомнения, Гардуэл был бы виден под облаками, но Маньен из предосторожности не хотел опускаться.

— Мы скоро проблемой! — крикнул он в ухо крестьянину: он понимал, что крестьянин беспокоит вопрос, как он будет показывать путь, когда солнца ничего не видят.

Перед спиралью барьером Пиренеев возникли удлиненные пятна, словно речка на снегу; они двигались на встречу самолету: это были земля. Самолеты летели вперед с грохотом терпением восхищенных машин.

ТЕРУЭЛЬ!

Наконец, по облакам скользнуло серое пятно. Словно него пробиваются краяны. Они возникли в разных краях серого пятна, как исподневные золотые рыбки. Все было лишено объема. Словно несколько краин и громадный бледный круг — арена. И вот жгло-бледая в свинцовом свете, пятнистая, как кусок эмалиной кожи, чешуя даских крыльев заполнила пространство в облаках. Маньен взял крестьянина за плечо:

— Гардуэл?

— Ответил.

— Гедуван! — звала Маньен ему в ухо.

Город вырастал в сером проlogue, затерянный среди облаков, курчавившийся до самого горизонта.

Теперь они летели над вражескими позициями.

В низких лучах солнца сарагосская дорога тускло вспыхивала на темном фоне полей. Самолет находился к северу от клаудица, которое атаковало испанское сопротивление бронебойной бомбкой Уорренский в превышении национальных, Маньен снова лег на облака.

Самолеты вслед за летом вздох сарагосской дороги.

Лерсия, откуда пришла крестьянка, находилась в сорока километрах вправо. Аэропорт, звезды безрезультирующе подвернутый бомбажке, был в двадцати километрах. Вероятно, сейчас они летели над ним.

Маньен отсчитывая полет по секундам. Если они сейчас не найдут второй аэропорт и поднимется тревога, то им будут по пятам преследовать истребители противника из Сарагосы, из Кадиса и с других тайных аэропортов. Дорога — единственная защита. Тридцать один километр от Теруэля, тридцать шесть, тридцать восемь, сорок...

Теперь они летели над вражескими позициями.

ВСЕ БОМБЫ РАЗОМ!

...Они пролетели над рощей. В это мгновение на опушке завертелася пропеллер и освещительный круг появился на темном фоне листьев. Из рощи вырвалась вражеский самолет.

Бросить бомбы нельзя: звено летит слишком низко. Передний пулеметчик, ничего не видевший, не начинал стрелять.

— Страйк на лес! — крикнул Маньен пулеметчику, сидевшему в глубине машины, и в то же мгновение увидел открытый бомбомёт совсем рядом с рощей.

Гарде понимал, что эта импровизированная операция может удалиться только при всем напряжении внимания: в течение нескольких секунд он встал на ноги от усердного пулумета «Утки», не отрывая взгляда от самолета Маньена. Когда тот начал стрелять, Гарде увидел спиралью пропеллера и зеленым фоне леса и, преобразовав: «Бремя!», — открыл огонь.

Самолеты трансформировавшиеся в «Утки» Скали местоположение «Форта». Миро, у задней турели, не мог стрелять, так как ему мешал хвост; но самолет Рамеса открыл огонь сразу на всех трех пулеметах.

Маньен, сделав вираж, увидел, как группа людей толкала бомбардировщика под деревья. Он настырился к Атлантике:

— Все бомбы разом!

Самолет дважды кружился, чтобы показать, как надо вести бомбажку; на высоте 400 метров он перестал подниматься и по прямой понесся вперед, стреляя из всех пулеметов. Механик, положив обе руки на рукоятки бомбосбрасывателей, гапнул на поднятую руку Атлантику, а тот глядел на рощу, целиком видную сквозь прицельное приспособление.

Все руки опустились.

Из рощи выбыла сильный дым, знакомый каждому, — бензин. Люди бежали из-за деревьев. Потом в несколько секунд сотня людей рассыпалась по полю.

Дым, отброшенный ветром с полями, развертываясь величественной кривой, вспыхнул в синеве вражеским истребителям уже находятся в воздухе.

Атлантике фотографировалась, превращая в видоискатель маленький аппарат, как в прицельной пушке.

Механик вытянул руки, только что отпустившие рукоятки бомбосбрасывателей.

Крестьянин от радости и от холода топал ногами в пол кабинки.

Самолет вошел в облака и взял курс на Валенсии.

ТРЕВОГА

Едва Маньен пересек облака, видимость улучшилась. Он понял, что дело плохо.

Облака распадались. За Теруэлем огромный разрыв открывал небо и землю на пятьдесят километров в глубину.

Чтобы возвратиться, оставаясь в облаках, надо было сделать большую крюк над фашистским фронтом, но и там также облака могли разойтись.

Все надежда на то, что республиканские истребители из Саргоса приступят раньше чем вражеские.

Они всплыли в открытое небо.

Маньен, стыдясь из желавший умереть в этот день, считал минуты. Едва их не нагонят за двадцать минут...

Одни, два, три, четыре, пять, шесть, семь, сорок испанских самолетов вернулись вновь в облаках. Маньен отложил бинокль, вымытый пологим дождем, под самым носом, и смотрел сквозь очки. «Если бы у них было прандольфы пулеметы, можно было бы восстановить связь», — подумал он. Но у него были старые «альбомсы» без оптических приборов.

Фланции, которым известно, что в Саргосе находятся республиканские истребители, ворд ал посмеют даже проследовать его над рас-

Все бомбы разом!

¹ Трансформирующиеся пули — пули, оставляющие динамичный и светящий след.

положением правительственные войска. Они атаки на встречу звону из трех многостенных самолетов, слегка отклоняясь влево, решивши сперва атаковать только один бомбовоз.

Слева шел самолет Гарде.

Гарде также разгадал маинэр фашистов. Он увидел, что Манене воевал два самолета ниже «Утка», чтобы сосредоточить пулеметный огонь, когда «Утка» будет атакована. Гарде проверил пулеметы, встал к залейной тумбе и сказал: «Что «Слоник» отработаны, и повернулся к турелей в сторону «Флатов».

Плюкольз динагиза восемнадцати. Впервые встречал любовную атаку, он видел вражеские истребители, атакующие на него с предельной скоростью. Он почувствовал досаду, которую испытывает каждый пилот, когда ведет тяжелый и медленный аппарат на встречу быстroredым машинам.

БОЙ!

Манене хорошо рассчитал расстояния: «Флаты» не могли обогнать «Утку». Два «Флаты» скользили, два снизу, два сбоку — они все время увеличивались. Наконец, стояли различными склонами плашмя пистолетов.

«Утка» содрогнулась, когда ее пулеметы одновременно открыли стрельбу. В течение десяти секунд алескин хрюкал, мелкий треск деревьев, раздающегося под вражескими пулями, сеть присасывающей пуш.

Гарде увидел, что один из «Флатов» под ним стоял вертикально спускаться, подобный Скале или пушечным дурам другим многостенным самолетам, и открыл огонь из пулеметов турелей. Из стоявшей руки в ладонь текла кровь, как из носика лягушки. Скала отделялась со своего места и лет, его самолет, взорвался.

— Забытуетесь! — крикнул Гарде, швырнув Миро походную аптечку, и спрыгнул в кабину.

Санди взялся за свой пулемет, Тайфер — за пулемет Миро.

«Флаты» снова возвращались.

Они были выше, то, что атаковали «Свенчай», они находились под огнем вражеских пулеметов и шести пулеметов с «Мореса» и самолета Рамсеса. Их присасывающие пушки образовывали под «Уткой» сеть томных дымков.

Товарищ подбитого «Флаты» проходил верхом.

Плюкольз летел на полном газе, удлиняя свои восемьмерки.

Опять присасывающие пушки опять грото, опять маленький треск деревьев. Санди, ничего не говоря, оставил заднюю турель и приближался к Скале, рядом с которым лежал Миро. «Если у них хватит дерзости приступить к нам снизу, я буду молчанием, чтобы не делать разворота», — сказал Гарде. В последнем свете проблески от вражеских пушек, как маиннеры плашмя. Алеский коток передвигался работать. «Морес и самолет испанского производства защищали «Утку» с боков. Плюкольз просунулся в кабину свою окровавленную голову:

— Они задали туту. «Флаты» удалялись. Гарде взял бинокль: с юга летел республиканский истребитель.

Гарде вылез из кабины, раскрытым лицом с аптечкой, к которому никто не притронулся, обозвал Миро (три пуль в левой руке, одна в плече) и Скалу (раздавленная нога). У Санди была пушка в правой бедре, но он мало спрашивал.

Гарде пробирался к пилоту. Самолет скользил к земле под углом в 30°, поджидаемый в воздухе только одним мотором. Алангуа показала плацдарм на счетчике оборотов: 1400 вместо 1800. Скорее самолет сможет толькъ планировать. Они атаки на снежной горе. Внизу, над домом, совершившим отвесную поднималась склонный дым.

Плюкольз, легко раненный, но залитый кровью, опустил ручку управления всем телом, как другие чувствовали свои раны. Гахомет перешел с 1200 на 1100. Самолет пада вниз со скоростью один метр в секунду.

НАД СМЕРТЬЮ

Внизу открыти снежного хребта — горные пики. Сейчас самолет скользил в ущелье, как пыльца оси, разбрасываясь о стеки. Впереди снега, обширные волнистые пространства. А вниз?

Они шли сквозь облако. Вокруг все было бело. Под кабиной был запятнан снегом, вспыхивавший в темноте. Плюкольз попытался выйти из облака, набирая высоту. Он прибрал, конечно, по цепной лаважи: гора оказалась в 60 метрах от них. Они испытывали ощущение смертельного падения (земля летела на них), и то же время опасность казалась несерьезной из-за мягких очертаний снега. Отчаянно хотелось выбраться, раз у них благополучно прошел бомбардировку и спаслись от обстрела. Гарде взволнованно выглядело из-под облака снегом. Он сидел на ушах в время бомбометки.

Бомба! — крикнул Гарде.

Если не сбросить ее сейчас, — все они неминуемо взорвутся. Санди начал обе руки пальцы бомбометчика с такой силой, что они могли сломиться. Бомба полетела вниз, взорвалась и как бы метнула землю на самолет. Всех обдало снегом.

Плюкольз выпрыгнула из кабинки к висящему от крошащегося неба. Однажды он, что ли? Нет, его охватила тишина гор после хрюкоты, взрывы. Он замахал ворон и кричащую голову. Теплая кровь текла стекала по его лицу. Он вытащил ее руки. Сквозь кровь он испытывал различия черный металлический кустарник, из которого неслася крики. — склонки разбитого самолета...

...Алангуа, легко раненный в голову, мог ступить только на одну ногу: другая была вымазана. В длинном ящике, который оказался кабиной, лежали Санди и Скала. Под громом перевернутой турелей лежал Миро. Его тело торчало над рамой турели, верх которой придавила его разбитое плечо, как на граворах, изображающих старинные пытки. Среди обломков лежала бомбометница. Все, кто мог кричать, преследуемое страхом, кричали.

Плюкольз и Алангуа ободряли друг друга в камне. Потом Алангуа начала обходить бомбометницу, в то время как Плюкольз и Гарде старались приподнять турель, которой был придавлен Миро. Наконец, она качнулась, раздался треск железа и саломы, от которого вдруг оторвались, лежавшие в снегу...

Плюкольз обернулась: к ним подбега маинерчики. «Если мы попали к фашистам, — подумал Плюкольз, — нас приложат, как крыс». Где разводят?

Маинерчики — учи! — он выглядел парнем на уме — оттопыренные уши и хохолок на макушке, — поглядел на них и ничего не ответил.

— Кто здесь, говорит?

Плюкольз подошел к маинерчику, который поплыл назад.

— Республиканцы или фашисты?

— Здесь, — ответил, наконец, маинерчики, разглядывая самолет, — есть всакие: и республиканцы и фашисты.

— Сонгол! — крикнул Гарде, поддергивая Миро.

Плюкольз дрожала.

— Какой союз бомбовоз? ВРС? НКТ? Или католический?

Маинерчики разглядывали синий Гарде, его маленькие деревянные ружье.

— ВРС, — сказала от улыбки.

Гарде повернулся к лицу. Лицо его было рассечено от одного уха до другого. Кровь, сначала бывшая капюшоном, продрала тело, сметываясь на авиационной кокашке, надетой поверх комбинезона. Маинерчики заголосили и побежали по крыше, как кошка.

— Ты что здесь делаешь?

— Тебя здорово хватило.

— Сюда идут.

Действительно, к ним шли кресты. На взрыве выбежала вся деревня, теперь выходили самые смелые.

— Добрите подружки! — крикнул Плюкольз.

Кресты, на которых были крестики, они считали удачные летчики, словно, так как выше пошли без оружия. Возможно, что перед катастрофой один из них разглядывал на крыльях красные полосы. Гарде увидел среди обломков, что зеркальце обратного винта висит на своем месте, перед сиденьем Плюкольз. «Если я посмотрю, я покончу с собой».

Когда кресты приближались настолько, что могли рассмотреть вздыхающуюся группу стали выпнутыми, как рука, пропеллер и лежащая на снегу тела, они остановились. Плюкольз и чудом подошла Гарде к крестам, на которых были крестики, и сказала: «Сейчас я буду смотреть на вас». Плюкольз и Гарде сидели на обломках, вспыхивавших группами так, как ждут вечности. С обеих сторон было мгновение беспечительности. Потом один из крестов поднял кулак, скорее в напоминании лежащих на земле тел, чем в сторону двух ладущих летчиков. Один из других поднимал крестильные кулаки, салютуя разбитому самолету и телам, которые крестильные считали мертвыми...

Перевод Ирины Эрбург

1 ВРС — Всесоюзный рабочий союз.

2 НКТ — Национальная конфедерация труда.

Один за другим поднимали крестильные кулаки, салютуя разбитому самолету...

Отрывок из романа

В романе «Шпионы» душа Фицура крепко привязана к своему Богомолову, и даже шайки диверсантов на транспорте. Действие этого отряда происходит на лаве Богомолова, недалеко от Москвы. Богомолов холостяк, кроме него не дает жить только его личный секретарь и преданный сообщник Семен Фициман.

«Человек с неправильным лицом», упомянутый в отрывке, «сияющей» контрапозиционной стороной градусской организации, портящей Богомолову праведение различных либерционных актов.

Вечером Богомолов любил разговаривать с Семем.

— Я ведь знаю вашу биографию, милая, — говорил ему Богомолов, — «куркулион вата» на фабрике, неслыханный... Но будь говорить о нем. А я... Извините, я не доложить всего передал? Игоря ум! Да, да! Не должно быть никакой игры ума. Самое главное — это искренность в выговорах, прямой, честный или несколько глуповатый звон. Да еще безоговорочность в выражениях. Ну и... общая здравость мысли.

Составленная Семеном пальца была отозвана в некоторой форме «зарядом посыпки». Картина его и в самом деле была восхитительной: сколько лет назад он был истиной из комсомола для демагогии, троцкизма и бытовых разложений. С тех пор он стоял молчалив, бледен и забыт.

— Я знаю, как вы признались свои ошибки, получившиеся. Развестись так призываю ошибки? Не успел вы сказать, как глаза председателя комсомола, как все поняли, что это один из однодневных злоб и страх. Потом вас разнесли длинную интеллигентщину профессии «серды» и в конце даже всхлипнули. Чепуха! Надо так каяться, чтобы всем было приятно! На трибунах не стоит «свой парень», которого чорт угодил наделать ошибок! Ну что же! Грудь холостяка покраснела, щеки покраснели, засмеялся застенчивого звонка, и все в порадке! И помните, что вы сами народ, а не сам присяжного поверенного. Вижуитесь в доль.

Пронеслась такую длинную речь, Богомолов хлопнул своего секретаря по впалой груди и воскликнул:

— Бадре! Нахальство! Вот так молодой человек может сделать каждый день зарядку и изучить математику — и не спасется. А теперь я должен поработать над собой. Принесите мне бумаги и уходите из комнаты!

«Мужнический» Богомолов негласно называл своего прямого начальника — начальника лорго Николая Петровича Тентента.

В этот вечер, после ухода «человека с неправильным лицом», Семя сиделся по дому без дела. Ему было нечего предчувствия. По своей должности — секретаря Семя в странном холостяк доме Богомолова удивительно напоминала сторожевого пса: он даже спал на полу и клая первому, чью ли не у самой двери своего хозяина! — Семя должен был исп-

лючать разные перемены в атмосфере. И вот сегодня Семя чувствовал какое-то необычное беспокойство.

Семя Фицимана вспомнил о давно исчезнувшей породе первых молодых людей, которые все свое время проводили, рассказывая анекдоты по служебному телефону и визуализируя движение бильярдных теннисов. Всю жизнь над Семей давала маниакальная идея, «как бы не попасть на периферию». Когда комитет комсомола предложил ему отправиться на Дальнний Восток, Семя испытывал недавно замеченные почты, блеск которых, вспыхнувшись блеском огней, блеск визуала у себя приступ. Его поместили в ханжину, где он отсиделся, пока о нем не забыли. «Я был на краю», — говорила он об этом мрачном периоде своей жизни. Таким же образом он избавился и от воинской службы.

Богомолову эта визуала изобретательность понравилась.

Деятельность Семи в комсомольской почте плавно сводилась к разоблачениям и клятвам. Попутно он вспоминал также «семейные гноянники», разделу мужчин и жен и «конца»ничих врагов. Клятвы сводились к общим обязательствам сделать что-нибудь «еще большее и еще лучше». При этом обычно упоминались санкции Годова, рожденного в 1917 году — автора «Финикия не видал городского». Несмотря на свой юный возраст Семя очень любил, когда ставиться боевыми воспоминаниями и показывать девушкам свой фронтовой наган (на фронте Семя никогда не был и быть не мог). После трех лет такой деятельности руководство начальства присматриваться к «обиннителю». Вскоре он был взят из комсомола, а многие из «зрелобиблиотек» не были восстановлены.

У Семи было множество способностей: он ухаживал за старыми дамами, которые знали его с мальчишескими и у которых он сама «мальчиком»; он никогда не отрывался речью о людях, до которых его отец мог как-нибудь дойти; он старался быть приятным не только людям, от которых зависела его карьера, но и их родственникам и знакомым.

Мозги у Семи были легкие. Ход его мыслей напоминал пасущих мух: мысль все время менялась и была пленна, как ветерок. Это спасало его от многих тяжких переживаний.

Но Семя был министром и требовал ухода.

Лишился ухода и общества, он чувствовал себя

нечастным. Когда Богомолов выгнал его из кабинета, ему пришло в голову позвонить кому-нибудь из девочек, но он вспомнил, что Богомолов в последнее время запретил ему все, включая телефонные разговоры по смартфону.

Он некоторое время перебирал книги в библиотеке Богомолова. Но книги эти были сухи, скучны, наполнены формулами и чертежами на вкладышах листах. Он поглядел на висевшую на стене антресоль, изображавшую мощный кавказский паровоз, рассказывающий сказку про Грузию. Несколько минут спустя Богомолов вспомнил, что в это время, когда Богомолов находился в своем кабинете, он поглядел на часы и увидел, что настенные часы показывали почти пять часов утра. Но теперь они показывали пять сорока пять минут. Островинка из пяти минут, склонившаяся к часам, с ее залпами поклонами на аркады, которые иногда вовсе не были видны за стеклом пленки, больше не искала уверенности в ясном будущем. Семя вздохнул, что Богомолов играет куклы на чужой роли. У актеров

А Семя было впечатление все. Он видел Богомолова утром и вечером и знал почти всех его звуком. Он знал содержание его сонливых дневников и писем и даже испытывал какие-какие мелкие поручения.

Богомолов вел сложную игру. Семя казалось, что опасность возрастает, что она приближается к двери Богомоловского кабинета. Но что же это за опасность?

В самом лучшем случае Семя покуда будет деться. Его душу, узкую нору снесут проектор, и весь он, маленький, крохотный, как сучок, будет корчиться на пемзессомом белом свету.

Оправдываться будет поздно. Все его старые друзья будут тут как тут и все вспомнят. Ни одна из них не забудет, не отложит и не займется более важными делами. Ни этот раз.

Куда бежать? Более бежать некуда. Семя покашлялся, что вину чувствует.

Семя постоял на коровье, прислушиваясь. В уборной пронизительно и монотонно гудел водопровод. Старушка, обслуживавшая Богомолова, вышла из своей каморки.

Семя резко поклонился и пошел к наверху, шагая через две ступени. Он вошел в Богомоловский кабинет, несильно прикасываясь к ячужковым подиумам к ковру.

Богомолов сидел, повернувшись к нему спиной, опершись локтями о стол, и писал.

Семя посмотрел на Богомолова, и ему стало страшно.

ЧТО ТАКОЕ КОММУНИЗМ

Проф. М. П. БАСКИН

В. И. ЛЕНИН — ГЕНИАЛЬНЫЙ
БОРЕЦ ЗА ПОБЕДУ КОММУНИЗМА
ВО ВСЕМ МИРЕ

21 января 1924 года умер Владимир Ильинич Ленин. «Он был поистине гением революционных взрывов и величайшим мастером революционного руководства» — так охарактеризовал Ленина его великий соратник и продолжатель дела его товарищ Столыпин.

Всемирный путь Ленина — это путь смелой и беззаветной борьбы за дело рабочего класса, за освобождение трудящегося человечества от капиталистического гнета. Владимир Ильинич Ленин беспрерывно горячо любил свой народ, глубоко верил в его силы, как в самой страстью неизведанной врагом рабочего класса, какими бы опасными ни были предстоящие ему времена. «Победа коммунизма во всем мире — такова конечная цель, к которой стремился Ленин; борьба за эту цель влекла для Ленина основные жизненные привязанности».

Выступая 2 октября 1920 года на III съезде комсомола со своей исторической речью о задачах союзов молодежи, Владимир Ильинич Ленин говорил о будущем коммунистического прихода следующим образом:

«В основе коммунистической правдыности лежит борьба за укрепление и завершение коммунизма» (Ленин в «Избранных произведениях» в двух томах. Т. II, стр. 445. Партийдат. 1934).

И Ленин на собственном примере показал, что интересы коммунизма были кровными интересами и судьбами народа. Он неоднократно подчеркивал свою политическую деятельность с первых дней своей политической деятельности борясь за дело коммунизма. Еще в 1894 году, т. е. 24 лет от роду, Владимир Ильинич Ленин выпускает на гектографе свою замечательную книгу «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов», в которой заявляет во всевозможных выражениях свою пропаганду социал-демократии и величайшей любви пролетариата к всем трудящимся. Мы не найдем буквально ни одной книги Ленина, ни одной его статьи, где бы Ленин не раскрылся перед трудящимися массами их прекрасное будущее — коммунизм.

Великая коммунистическая революция за-
ключается, по Ленину, прежде всего в том,

что в итоге этой революции народные массы впервые в истории человечества становятся подлинными хозяевами своей жизни, своей судьбы. Он рассматривал коммунизм как результат активной деятельности миллиардов. Видя в коммунизме неизбежный результат общественного развития, Ленин в то же время беспощадно борясь с теми, кто, в соответствии с его «своей стоящей» самоткой, «теорией», утверждал, что человечество придет к коммунизму само собой, в порядке «плавного развития», без классовой борьбы.

Ленин учил, что только беспощадная борьба со старым, только беспощадное подавление сопротивления эксплуататорских классов, только революционная классовая борьба является залогом победы коммунизма над капитализмом.

КОММУНИЗМ МЕЧТЫ

В своей знаменитой статье «Три источника и три составных части марксизма», впервые напечатанной в мае 1913 года в большевистском журнале «Прогрессивное», Ленин с большим сподобием говорил о коммунистических стречах, о коммунистической мечте, о коммунистическом разделении того гнета, который испытывалася на себе эксплоатирующие массы, спасравшие видавшие в коммунизме избавление от невынимаемой суммы иуды, от голода и нищеты.

Вдалек, седой древности, в жестокую пору средневековья, когда вместо рабоадельческой

формы эксплуатации возникла новая, крепостническая форма эксплуатации труда — рабоадельческие отношения, коммунистические идеи постоянно испытывали в сознании

масс как яркий светок, как знаки борьбы, как прекрасная мечта, осуществление которой пред-

ставлялось в то время тяжелой, невыполнимой задачей.

Излагая в «Развитии социализма от утопии к истины» коммунистическую мечту, Фридрих Энгельс писал: «...При взгляде кругом будущим движением испытывали самостоятельные движения того класса, который был более или менее развитым предшественником современного пролетариата» (см. Маркс и Энгельс «Избранные произведения». Т. I, стр. 108). Возникли требования «управления не только классовыми привилегиями, но и самими классами».

сознаний различий» (там же). Создававшие многочисленные учения, ярко рисовавшие прекрасную картину коммунистического строя. Эти учения не могли у花开 трудящимися пути их обособления, они ограничивались обычно лишь мечтами о лучшей жизни, однако и в этом виде они сыграли огромную всемирноисторическую роль.

В начале XVI столетия в Англии выступила с замечательной коммунистической теорией английский канцлер Томас Мор. Несмотря на свое положение в обществе Томас Мор решительно отвергал аристократические возвреты, его симпатии всегда на стороне масс. Он думал не о личностях купеческих aristocrats, но о широких тружениках Англии, избавляющихся от гнета земельного бремени эксплуатации. Он беспощадно критиковал господствующую в Англии общественную отчужденность, он давал убедительную критику «благородных богачей».

Томас Мор рисует замечательную картину другой страны, при которой не будет эксплуататоров и эксплуатируемых, не будет рабоадельческой борьбы и каждый человек будет спокойен за свою будущую за будущее своих детей и внуков. В этом обществе все продукты не только совместно производятся, но и распределяются через общественные склады и магазины, причем их производится так много, что каждый имеет возможность полностью удовлетворять свои потребности.

Однако, нарисовав в столь ярких красках картину коммунистической жизни, Томас Мор не знал, какими средствами можно добиться коммунизма. Коммунизм для него — неслыханная мечта. Он помещает свое коммунистическое общество на несуществующий, фантастический остров, который называет Утопией, что означает по греческому будущее несуществующее общество. Томас Мор в положении начало утопистскому коммунизму, коммунистической мечты, коммунизму, который находится в разладе с действительностью и ее законами.

Трагична личная судьба Томаса Мора. Воздуша против себя неизвестной короля, он окончил свою жизнь на эшафоте от руки палача.

Ряд замечательных попыток рассказать о коммунистическом обществе было сделан в XVIII и начале XIX столетия. Имена Сен-Симона, Роберта Оуна, Шарля Фурье наставили вошли в историю мировой цивилизации

как имена смелых критиков капиталистической системы, имена людей, которые дали для своего времени яркую, незабываемую картину преимущества коммунистического строя.

С какой силой критикует, например, Шарль Фурье противоречия капитализма, богатства ищущегося в рабочем классе, против огородной мечтательности? С каким энтузиазмом говорит он о промышленных коммунистических жизнях, когда из печальной и тяжелой жизни, когда исчезает нищета, когда женщина справляется в своих правах с мужичеством, когда дети получают лучшее общественное воспитание. Эпоха коммунистического восстания наступает, и Фурье, со всеми подробностями и красками нового стиля, рисует картину будущего человека, его одежду, его быт и поведение. Вот один из любопытнейших отрывков Фурье, характеризующих коллективное сельское хозяйство:

«Те 300 потребов», — заявляет он, — которые имели тепло у 300 деревенских семей (1500—1600 человек), будут заменены особым общирным и блестящестроенным погребом со специальными отделениями для каждого продукта, наряду для различных видов хлеба и т. д.

Вся эта система — выработка, арифметика, столовые, сушки и проч. будут там устроены образцово, о чем в отдельном хозяйстве приходится только мечтать... Особенно значительная экономия будет достигнута путем принятия мер против гнили, вредителей и т. д. и пр.» (См. Ф. У. в «Арабесках», сорокаседьмой год, № 102—103, 1918).

Доказывая превосходство коммунизма, лишили и их престижности. Тогда восторг сошелся на вопросе о путях, как бы к коммунизму. Они надеялись достичь коммунизма путем... убеждения богатых, величайшей зависимости обращаться за помощью ко всем «сильным мира сего», выдающимися банкирам, Ротшильдами и французским королем Генрихом IV. Они «жаловали» рабочий класс и в то же время не понимают его чайной роли, как матильдышка капитала.

Более потому, если в эпоху незрелости классовой борьбы пролетариата утопический коммунизм играл значительную прогрессивную роль, то в эпоху развитой классовой борьбы в эпоху научного коммунизма утопический коммунизм становится реакционным, он превращается в тормоз, мешающий освобождению рабочего класса.

НАУЧНЫЙ КОММУНИЗМ МАРКСА — ЭНГЕЛЬСА — ДЕНИНА — СТАДИНА

«Диктатура пролетариата есть орудие пролетарской революции, ее орган, ежеважнейший опорный пункт, вызванный жизнью для того, чтобы, во-первых, подавить сопротивление свергнутых эксплуататоров и закрепить свои достижения; во-вторых, довести до конца пролетарскую

*Провозглашение Парижской коммуны
(гравюра того времени).*

скую революцию, довести революцию до полной победы социализма» (Сталин. «Вокруг вопроса о Третьем Интернационале», стр. 25, 10-е изд.).

«Вопросы ленинизма», стр. 23. 10-е изд.).
Диктатура пролетариата не может возникнуть в результате мирного развития буржуазного общества. Она возникает лишь в результате сноса буржуазной государственной машины.

...Закон о национальной революции пролетариата, закон о сломе буржуазной государственной машины, как о предварительном условии такой революции, является неизбежным законом революционного движения империалистических стран мира» (Сталин, «Вопросы ленинизма», стр. 30, 10-е изд.).

Таким образом, коммунизм Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина — это коммунизм, научно доказанный и обоснованный, коммунизм, который полностью вытекает из законов общественного развития.

В беседе с первой американской рабочей де-

В беседе с первым секретарем райкома комсомола делегацией великий вождь международного коммунизма товарищ Сталин дает замечательную

характеристику коммунистического общества.

1. При коммунизме отсутствует частная собственность на орудия и средства производства. В коммунистическом обществе собственность «общественная, коллективная».
2. В коммунистическом обществе не существует ни классов, ни государственной власти. В нем будут «труженники индустрии и сельского хозяйства, экономически управляемые, как свободная ассоциация трудящихся».

3. Все народное хозяйство коммунистического общества организовано по плану, оно базируется на самой высшей технике.

4. В коммунистическом обществе уничтожается противоположность между городом и деревней, между индустрией и сельским хозяйством.

5. В коммунистическом обществе полностью господствует принцип: от каждого по способ-

6. В коммунистическом обществе достигают полного расцвета наука и искусство, они становятся средством для воспитания нового поколения.

новится достоянием каждого человека.

7. В коммунистическом обществе достигает полного расцвета человеческая личность, которая становится «действительно свободной». Враги коммунизма всегда стремились изъять его сущность, чтобы опорочить, привизитизировать в глазах трудящихся.

Выступая с ответным докладом на XVIII съезде партии, товарищ Сталин с особой силой бичевал враждебное нам понимание коммунизма как всеобщей уравнительности, стрижки под одну гребешок народов и национальностей в мире. Особое внимание представители рабочего класса уделяли тому, что товарищ Сталин не имел ничего общего с марксизмом-антикомм. Имелись против коммунизма, когда человеческая антити достигла максимума расщепления, мы будем иметь бесконечное многообразие различных вкусы и потребностей человека. И в то же время коммунист будет стремиться к тому, чтобы эти потребности, т. е. равенство, основанное на равной обязанности всех трудающихся по своим способностям и равном праве на труд, получили бы это по их потребностям.

В коммунистическом обществе уничтожается разрыв между физическим и умственным трудом, который является типичной особенностью капиталистической общественности. Вместо этого в обществе науки, искусства, образования возникает в будущем обществе привлекательный экспериментаторов, в то время как люди физического труда лишены всякой возможности учиться. При коммунизме же мы имеем дело с гармоничным развитием физической и интеллектуальной деятельности, сочетание, которое делает людей бесконечно более счастливыми. При коммунизме завсегда учатся: этот разрыв между теорией и практикой, который так типичен для капитализма, и предстает теперь из-за отсутствия гравитационных черт будущего общества.

жузного общества, все общественные формации до коммунизма подчинены законам стихийного развития. Человек не был хозяином тех производительных сил, которые он сам создал. При коммуне люди сознательно управляют производительными силами.

свой замечательной книге «Развитие социализма от утопии к науке» Фридрих Энгельс

RA:

«Общественные силы, подобно силам

природы действуют слепо, насилием и разрушительство, пока мы не понимаем и не считаемся с ними. Но разве не это самое зло, которое влечет за собой правдивое и всплывающее, то есть что мы самих заставят выполнять их все более и более нашей воле и с помощью их заставить наших детей. Это в особенности относится к современным明珠ам при производственных силам. Пока мы упорно отказываемся понимать эту природу и характер, — это значит понимание противитесь капиталистический способ производства и его защитники, — да тут первые производственные силы действуют помимо нас и против нас, да в тех пор они властвуют над всеми, как это подобает им по природе. Но если мы будем вести себя в духе капиталистической природы, они могут превратиться в руках обедневших производителей в демократических новеллистов в покорных сагах. Здесь же разница, что между разрушительной силой молнии из грозовой тучи и электричеством, покорно действующим в телеграфном аппарате или акустической лампе, между пожаром и огнем.

управляемых руками человека». Таким образом, коммунизм означает необычайный рост могущества человека над природой. Он означает небывалый расцвет производительных сил, он означает новую, счастливую, зажиточную жизнь.

отличие от докоммунистического общества Маркс называет коммунизм началом подлинной истории человечества. Все то, что было до коммунизма, Маркс иронически называет лишь «историей человечества».

ДЕСЯТЬ ФАЗЫ КОММУНИЗМА

развитии коммунизма, учат классики марксизма-ленинизма, имеются две фазы, два этапа ступени. Первая фаза коммунизма — социализм.

Социализм означает, что общественная собственность на средства и орудия производства уже победила. Социализм означает уничтожение эксплуататорских классов, уничтожение эксплуатации человека человеком.

Социалистическое хозяйство — хозяйство плановое, не знающее кризисов, неуклонно растущее, неизменно повышающее производительность труда.

Однако социализм как первая фаза коммунизма «не может еще быть экономически вполне, вполне свободным от традиций малых садов капитализма» (А. С. и. н.). При социализме еще сохраняются остатки классовых различий, при социализме еще остается рабочий класс, остается класс крестьян, остается прошлость — интеллигенция. Правда, что уже новые классы, каких еще никогда не было в истории человечества. Эти классы связывают подлинную дружбу, а различия между ними все более и более стираются.

При социализме сохраняется государственная власть, сохраняется диктатура рабочего класса, значение которой не только не уменьшается, но, наоборот, все более возрастает. Укрепление диктатуры рабочего класса является важнейшей задачей, стоящей перед социалистическим обществом.

При социализме еще не уничтожены различия между городом и деревней, между физическим и умственным трудом, хотя социализм уже делает решающие шаги в этом направлении. При социализме господствует принцип: от каждого по его способностям, каждому по его

В «Государстве и революции» Ленин подробно разясняет, почему первая фаза коммунистического общества, т. е. социализм, еще не в состоянии осуществить лозунг развернутого коммунизма: от каждого по способностям, каждому по потребностям.

«...не впадая в утопизм, нельзя думать, что, свергнув капитализм, люди сразу научаются работать на общество без всяких норм права, да и экономических предпосылок такой перемены отмена капитализма не даст сразу» (Ленин. Т. XXI, стр. 435).

Такого тогда, когда туда сделается насущной потребностью каждого человека, когда исчезнут такие родимые лягти капитализма, как пережитки старой собственнической психологии, небрежное отношение к общественному достоинству и т. д., только тогда, когда производственные силы общества, его наука и техника поднимутся на высочайшую ступень, коммунистический принцип: от каждого по способностям, каждому по потребностям — сможет быть осуществлен.

Уничтожение при социализме эксплоататорских классов отнюдь не означает прекращения классовой борьбы. Наоборот, чем больше наши успехи, тем более ожесточается враг, тем более подымя методами пытается он помешать мощному развертыванию социалистического строительства.

История человечества не знает более гибких приемов чем приемы троцкистско-бухаринистских агентов фашизма, этик заклятых врагов советского народа, которые не останавливались ни перед чем для осуществления своей цели—расчленения нации. Наименее шпионажа фашистских оккупантов, вредителей и диверсантов, они пускали под откос поезды с красноармейцами, затопливали шахты, устраивали изыскания с человеческими жертвами, убивали рабочих, их жен и детей.

Карающий меч диктатуры рабочего класса обрушился на головы этих пресенных выродков человеческого рода. Надо не забывать о том, что осколки побежденных эксплуататорских классов еще будут пытаться предить великому советскому народу.

Поскольку социанцы не побоятся одновременно во всем мире, поскольку социаллистическая страна находится в капиталистическом окружении, капиталистический мир будет всегда засыпать в эти страны своих агентов, своих пропагандистов и диверсантов. Поэтому революционная борьба является незыблемым законом для всех грандов социаллистической общности. Она сохраняет свое значение и для высшей фазы коммунизма, если страны, в которых оно еще не состоялось, будут окружены капиталистическими странами.

В СССР ПОСТРОЕНА ПЕРВАЯ ФАЗА КОММУНИЗМА

Социалистический строй победил в нашей стране окончательно и бесповоротно. В СССР вытеснена частная собственность на орудия производства, в СССР господствует социалистическая собственность, имеющая форму государственной собственности и форму кооперативной собственности (кооперативы являются колхозами, собственностью кооперации и т.д.). Эта победа общественной собственности зафиксирована в великой Стalinской Конституции, Конституции и подтверждена социализмом.

Статьи 4, 5, 6, 7 и 8-я Конституции СССР мы категорически и определенным образом отвергаем социалистическую собственность на землю как материальной основой нашего общества»...¹

Статья 131 *о Стальной Конституции* предусматривает для всех граждан священную обязанность — беречь и укреплять подобающую социальную собственность. «Частная собственность священна», — провозгласила буржуазная конституция эпохи французской революции. ХХIII статья *о Стальной Конституции* собственности священна, но в более широком смысле, овозглашает статья 131-я Конституции социализма. В СССР окончательно и бесповоротно аннигилированы все вексиллаторские классы, т. е. капиталисты, помещики, купцы, торгуны и спекулянты. В СССР не только упразднены частные предприятия, но и частные земельные участки.

ожена эксплуатация человека человеком, но пресечены всякие возможности возникновения этой эксплуатации в будущем.

В СССР восторжествовало плановое хозяйство, хозяйство, не знающее кризисов, безрасницы, нищеты тружених масс.

граждане ССР, осуществляют свою праву труда на основе обеспечения старости, здоровья и нравственности, о которых мечтали другие умы человечества. Вспомните хотя бы мысли Фурье. Он становленностью только в стране социализма, тяжелой и подневольной обязанности труда града в ССР делают честь доблести и генеральства.

ССР восстает против политики коммунизма; от каждого из него спросим, каждому по его труду. Это принцип зафиксирован в качестве неизменного за статье 12-й Стальной Конституции.

В СССР восторжествовала подлинная демократия, демократия для всего народа.

достаточно привести только один пример: в первых выборах в Верховный Совет участвовало 96,8% избирателей! Буржуазные демократии за всю свою долголетнюю историю никогда не знали и не могли знать такой цифры. Слово «демократия» — власть народа — правдиво звучит только в «нашей» стране.

Классики марксизма-ленинизма всегда учили, что коммунизм приводит не только к изменению хозяйственной жизни, не только к изменению производительных сил, но и к изменению самих людей, изменению морали, быта, изменению человеческого сознания.

— великое человеческого созиания». В итоге социализма в СССР восторжествовало небывалое моральное и политическое единство народных масс, единство, нашедшее свое яркое выражение в исторический день — 12 декабря 1937 года.

В СССР возник новый, неизданный патриотизм, т. е. беззаятная любовь граждан к своей социалистической родине. Появился новый тип людей: героев социалистических фабрик, заводов и полей, новаторов науки, техники, искусства и антепатомы.

Пышным цветом расцветает в стране победившего социализма новая культура, национальная по форме и социалистическая по своему содержанию.

В ССР зародилось и ширится с каждым днем могучее движение стахановцев социалистического производства,

Стахановцы — это новые люди социалистического общества, замечательно овладевшие техникой своего дела и умеющие использовать эту технику до дна. Их движение означает начало нового расцвета производительных сил, необходимого культурно-технического подъема рабочего класса. Стахановское движение тем самым создает условия для перехода от иной фазы коммунизма — социализма — к его высшей, развернутой фазе.

В СССР восторжествовала зажиточная и счастливая жизнь для миллионов.

Всех этих успехов трудающиеся массы нашей страны добились в беспощадной борьбе с классовыми врагами, с пресранными агентами фашистских охралок — троцкистско-бухаринскими шпионами и диверсантами, в борьбе с контрреволюционными буржуазными националистами. Под руководством большевистской партии, под руководством своего генialого вождя товарища Ставина, наша страна, страна победившего социализма, в новых дальнейших успехах — к величанию коммунизма.

Теоремы Струки и Розенхольца

C. H. T.

Подвеска бомб к самолетам на китайском военном аэродроме

БОРЬБА КИТАЙСКОГО НАРОДА

А. ВАСИЛЬЕВ

Война японских империалистов против Китая, начавшая 7 июля 1937 года провокационным нападением японских войск на предместное укрепление в Ляоцзянце, — далеко не первое наступление японской военщины на величайшую страну Азии. История взаимоотношений Японии и Китая дает яркую картину последовательного продвижения Японии в агрессии с целью захвата китайской территории, естественных богатств и рынков сбыта.

ЯПОНИЯ ЗАХВАТЫВАЕТ КИТАЙ

Уже в 1872 году Япония захватила Ликийские острова (ныне острова Рюкю), принадлежавшие Китаю. В 1879 году пыталась захватить остров Формозу, но под давлением Англии была вынуждена отступить. В 1876 году добивалась экспреториальных прав в Корее.

С этого момента влияние Японии в Кореи непрерывно росло. Используя коварные методы провокационных убийств своих собственных граждан, японское правительство, по видом западных японских поданных, в 1886 году приудило Корею подписать договор, разрешавший японцам посыпать войска в Корее.

Одновременно японское правительство усиленно готовилось к войне против Китая, которую и начало без обмана войны в 1894 году. Маньчжурский императорский двор, правивший тогда Китаем, не использовал европейского военного опыта. Китайская армия, в то же время, была слаба, физически и духовно. Естественно, война закончилась в 1895 году победой Японии. Позже называемому Синьцзянскому договору, Корея была присоединена к Японии. Япония получила Формозу, Пескарские острова и 150 миллионов долларов контингуэнции.

В 1900—1901 годах царская Россия и Япония участвовали вместе с другими державами в подавлении «боксерского» восстания в Китае. Это восстание вскрыло в глазах японской военщины недостатки китайского народа маньчжурской династии и европейским капиталистам. Восстание было подавлено интервентами, которые немедленно возобновили борьбу между собой за раздел Китая. Русские капиталисты, гнавшиеся за сверхприбылью, постепенно обосновались в Маньчжурии; на народные русские

денеги были построены железные дороги, оборудованы порты, выстроена крепость Порт-Артур. В отношении Японии царское правительство вело политику пренебрежения: «шанхайцы, мол, закидаем». Между тем японское правительство под руководством и с помощью иностранцев деятельно готовило войну с Россией. Этойвойной известно, началась в феврале 1904 года нападением японского флота на русскую эскадру. Белгородский царское правительство проиграло войну, загубив десятки тысяч жизней храбрых русских солдат.

5 сентября 1905 года был заключен Портсмутский договор, по которому японские власти, в соответствии с принципом «один китай, один Маньчжурия», получили право на эксплуатацию Амурского побережья и строительство Юко-Маньчжурской железной дороги. По этому же договору, Россия обязывалась не вмешиваться в японские действия в «невидимой» Корее, захват которой Японии было официально оформлен в 1910 году устранившимся от власти Китайским императором.

Мировая война отвлекла от Дальнего Востока внимание и силы империалистических противников Японии. Японское правительство под предлогом возвращения Китая его исключительных земель захватило в 1914 году германские конcession в провинции Шаньдун, а в 1916 году — в провинции Чжили. В 1917 году Китайская Республика отказалась от Китая, — требовавшего в этом ультиматуме — стремительно Японию монополично грабить китайский народ не только в Маньчжурии, но и во всех других областях Китая. Одновременно японский империализм приступил к подготовке военной оккупации Маньчжурии и создания из нее «невидимого» государства на, точнее говоря, японской колонии.

Грушевская канка во главе с Юанем Ши-кайм, вдавившаяся в коммюнильным правительством Китайской Республики, подписала соглашение с Японией. Но японцы из этого выиграли мало: использование и разжигание в Китае внутренних конфликтов, они фактически оставили себе контроль над большой частью огромной территории Китая, лежащей между Маньчжурией и рекой Хуанхэ, в так называемом Северном Китае.

1 Установившейся после победы революции 1911 года,

В 1921—1922 годах Соединенные штаты Америки и Англия, обеспокоенные политикой Японии в Китае, созывают Вашингтонскую конференцию. На этой конференции державы заставляют Японию вернуть часть своих земель на территории Китая, включая саму Маньчжурию и эксплуатацию. Это диагнотическое поражение Японии, уступившей ее военным поражением на Советском Дальнем Востоке, где партизанские отряды рабочих и крестьян разгромили японских интервентов.

Недавно застывшая японская военщина быть несколько сдержаннее, но не надолго.

«ПОЛИТИКА КРОВИ И ЖЕЛЕЗА»

В 1927 году выходит меморандум генерала Танака — программа внешней политики, которую сформулирована как «политику крови и железа», направленную против СССР, Китая и Монголии. В полном соответствии с планом генерала Танака, который гласил, что «для овладения Китаем надо овладеть Маньчжурией...», в сентябре 1931 года японские войска начали оккупацию Маньчжурии. А в 1933 году Япония декларировала образование «независимого Маньчжурии», возглавляемого императором Пу И. Нечего и говорить, что власть в этом «независимом» государстве принадлежит штабу японской оккупационных войск.

В 1933 году Япония захватила провинцию Хэбэй и японские войска оказались на границе исконных территорий Китая — у Великой Китайской стены, в 20 километрах от древней столицы — Бэйлина.

В 1935 году штаб Клантуинской армии угрожал и подкупом добился организации «Восточно-хонгхайского автономного правительства» и создания «Пекинского совета провинции Хэбэй и Чахар», что ставило обе провинции в подчинение Японии.

После этого японская военщина ставит в порядок для полного овладения Внутренней Монголией и Северным Китаем.

ПОДГОТОВКА ПЛАЦДАРМА ВОЙНЫ

Обширные пространства, аделии в своеме отдалении Китайской империи, раньше были заставлены исключительно монголами. В результате длительной японской колонизации коренное население этих земель смешалось с пришлыми китайцами, и сейчас в двух основных провинциях Внутренней Монголии — Чахаре и Суйюанем — из 4 линий миллионов жителей насчитывается менее миллиона монголов. Из этого количества около 100 тысяч человек ведет кочевое скотоводческое хозяйство, остальные живут в смешанных монголо-китайских поселениях.

Провинции Чахар и Суйюань в северную часть Нинся японские империалисты привлекают в первую очередь стремление обеспечить плацдарм для действий против Китая, МНР и СССР.

Действительно, трудно переоценить стратегическое значение Внутренней Монголии. Чрез нее идет три важнейших тракта из МНР в Китай, и таким образом она является готовым плацдармом для войны против Монгольской народной республики.

Кроме того Внутренняя Монголия граничит с важнейшей внутренней коммуникацией Китая — дорогой Китая в Синьцзян, и тому же она является доступом к Северному и Центральному Китаю.

Японцы искусно воспользовались тем, что еще членники маньчжурской династии притесняли монгольское наследие.

Накануне правительство под угрозой отключения провинции Чахар в 1934 году согласилось на организацию, далеко не полной, администрации монгольских племен.

Японцы использовали эту обстановку и рядом лояльных монголов поставили главу монгольского автономного совета князя Да Вана в свою практику эзинисты.

В начале 1936 года Дэ Ван создаёт под руководством японцев 18-тысячную армию и обявляет Чахар «независимой» Монголией.

Однако югозападная часть Чахара осталась верной Нанкину и его представителю — губернатору провинции Суйюань — Фу Цзо-и.

В ноябре 1936 года войска Да Вана, руководимые японскими инструкторами, начали наступление с целью захватить железную дорогу Калгай—Гуйхуа—Басточ.

Нападение беломонголов вызвало огромный подъём в войсках 35-й китайской армии на

подем в южных 55°-й китайской Армии, находящейся под командованием Фу Чзо-ы.

Да Ван бы разбил наголову в двух боях — у Шанду и Шара-Мурсена.

Как ни обкусывался быт штаб Квантунской армии, однако он не оставил своих планов захватить всей Внутренней Монголии; японцы на начальном этапе реорганизовывали войска Да Вана отрядами разведчиков под видом купцов проинструктированных для убийства стариков.

РЕШАЮЩАЯ СУБАТКА

В июле 1937 года японская военщина приступила к вооруженному захвату Внутренней Монголии и Северного Китая. Следует отметить, что до осени 1937 года Китайская республика хотя и имела самые многочисленные вооруженные силы в мире, но, строго говоря, не располагала единой централизованной армией.

Усиление армии проводится сейчас в боях Китайской народной армией с огромной помощью армии, высаженной под руководством французов, данными коммунистической партии Китая. Под этим воюющим в тылу японских войск в Маньчжурии и Северном Китае, сражается более 100 тысяч партизан. Декларация ЦК коммунистической партии Китая по всему китайскому народу о заключении соглашения между компартией и гоминданом для создания антиянкского национального фронта об единении народа и укрепления вооруженных сил страны. Сотрудничество двух решавших партий Китая — компартии и гоминдана — подтверждено авторитетом антиянкского правительства, возглавляемого Чан Кай-ши, начальником штаба Красной армии и в армии. Национальное правительство, возглавляемое Чан Кай-ши, начальником штаба Красной армии и в армии.

Таким образом, ранее разъединенные вооруженные силы Китая крепнут и организуются в борьбе с японским агрессором.

Инцидент не ожалдин встать соединенный отпор со стороны китайской армии, рассчитывая захватить весь Северный Китай до решения Хуадао, привнесший множество проблем. Но уже в первом квартале 1947 года, японские войска в Северном Китае понесли огромные потери, а неизначительные успехи японцев сменились в сентябре рядом успешных поражений. Сильные мотохемизированные японские части были разбиты и беспорядочно бежали на юг, оставив плачевное боеприпасов.

ФОРЛЕА ЗА ШАНХАЙ

Японцы не в первый раз предпринимали наступление на Шанхай. В 1932 году японские войска вели там ожесточенные бои с 19-й китайской армией и вооружившимся населением районов Чунъяна.

рабочих кварталов Чапек.

Шанхай — крупнейший экономический центр Китая и порт мирового значения. Река Янцзы, в устье которой находится Шанхай, является главной водной артерией Китая. В ее долине насчитывается 180 миллионов жителей и большое количество иностранных и китайских предприятий.

Японские коммандование вело обсуждение по-
пральти.

В Шанхай были посланы отборные японские
войска, оснащенные всеми видами техники.
И несмотря на это два с лишним месяца упор-
ных атак японских войск разбивались о со-
противление китайских войск.

упружению Шишки с исключительной бесподобностью не только по отношению к широкому на насасанию, но и по отношению к собственным языкам войскам. Обход тактически важного пункта — Дачна — обходился впопыхах в 10 тысяч человек. Переправа через реку Сунжую под огнем китайской пехоты унесла более 16 тысяч жизней. Бой под Красногорском Шишки японским войскам угрожало колоссальное жертвенное заслуженное.

ями. В Шанхае сосредоточены давнебританские интересы всех мировых держав. Например из 1250 миллионов долларов английских капиталовложений в Китае 80% сосредоточено в Шанхае.

Занятие Шанхая японцами было возможно только вследствие позорной соглашательской политики мировых держав по отношению к агрессору, политики, которая оплачивается дорогою ценой.

КИТАЙСКИЙ НАРОД ПОБЕДИТ

И все же занятие Шахиц не было концом боевых действий. Китайская армия не была разбита и они в порядке отходили на новые рубежи, усилив обороны наажду путь своей земляки. Боец дуих китайского солдата не сломлен.

В то же время японские командование не капитулировало сразу в Северном Китае для захвата всей территории вплоть до реки Хуанхэ. Масштабы операции в Шахиц и в Северном Китае были велики. Уже в ноябре на обширных просторах действовали 500 тысяч японских солдат, более 500 боевых самолетов, около 1000 танков. И все же германское сопротивление китайской армии, спонсируемой японским захватчиком, продолжалось.

ам огорчены трудностями. Центральная фронтовая армия в середине ноября Ставка Китая, вспомнив захваты прошлого Чжакар, Суньцзян, Хэбэй, северную часть Шаньши, в Шаньдунье японские войска приблизились к берегам реки Чжуцзян. Казалось бы, задача постановлена перед японскими войсками, почти выполнима, однако, неожиданно для всех, японцы, вынужденные неизвестными участниками, вдруг вышли вдоль железнодорожных логоров. В тылу японских войск действуют прославившиеся в боих частях 8-й китайской парашютно-десантной армии и многочисленные партизанские отряды. По сообщениям иностранных корреспондентов численность японских войск, действующих на территории провинции Синьцзян в Китае, согласно статистике, 80—100 тысяч человек.

Японцы были вынуждены сбить с фронта несколько воинских частей для борьбы с партизанами и прекратить дальнейшее наступление. В этот же день тяжелое обстановка перед захватчиками встала вопросом: что дальше? Шатый визит, по китайской армии не разбросана. Майданецы не просят. Японские захватчики полагают, что должны были продолжать наступление на Нанкин. О дальнейшем наступлении в Северном Китае захватчики пока и не думают. Так разрастается жестокая парижская «свадьба».

В ноябрь и декабре 1937 года японцы снегом перебрасывают войска на шанхайский фронт. Китайцы воспользовались ослаблением противника на северном фронте и начали теснить его рессора. В декабре китайские части вернулись на севере ряд населенных пунктов, разбросанных японцами. Японские войска уже и

Все внимание японского командования было сосредоточено на пункте Накано и, разумеется, под

направлено на захват Нанкина и разгром противника на восточном (шанхайском) фронте.

Однако уже 5—6 декабря стало ясно, что план окружения китайских войск японскому командованию не удался.

используя нанкинские укрепления, дать агрессору последний бой в стенах столицы.

После ожесточенных боев японцы взяли Нанкин. 15 декабря умополась падение в стремя. Несколько десятков тысяч жизней под удачу, которой заплатили обманутые японские солдаты за овладение столицей Китая. Но и здесь японское командование не сдалось. Снова начались бои. Война продолжалась. Сила японского населения растет недовольство во. Китайский же народ, сплачивавшийся вокруг, поддерживает свое правительство в решимости бороться до конца.

Огромные пространства Китая, неистощимые людские резервы, благоприятные условия местности для действий по тылам интервентов дают китайскому правительству, войскам и всему китайскому народу полную уверенность в конечной победе.

Китайские солдаты обстреливают японские позиции в районе Шанхая

На фотографии группа отличников орловского железнодорожного техникума. Их привозили поездкой в Москву. Приехав в столицу, они прежде всего пошли в Музей Ленина...

1. КАК НАЧИНАЕТСЯ ДЕНЬ

Ровно в 12 часов для приглашенных проходит огромный звонок разносят по всем этажам огромного здания.

Массивная дверь открывается, пропуская группу краснозарядцев, железнодорожника, звено пионеров, молодую девушку и инвалида на костылях.

Девушка в блузке в руке первой устремляется в залы. Краснозарядный гурьбой идет за экскурсоводом. Железнодорожники присоединяются к ним. Инвалид, лежащий на костылях, поднимается и выходит в зал: первый он уже отсчитал время. Его обнимают пионеры.

Касса выдает билеты. Часто у окончка кассы слышится такой диалог:

— Сколько за билет?

— Бесплатно.

— Документ предъявить?

— Не надо никаких документов. Следующий получит билет...

Принадлежит группе пропагандистов, приехавших из Серпухова. Домохозяйка с дудками маленьких детей, Серафима Смирнова, и группа подростков, Лейтенаны с женами и женами. Первые десятки тех четырех — пять тысяч человек, которые сегодня, в обыкновенный будний день, посетят Музей Ленина (в выходной день здесь бывает до шести тысяч человек).

Впрочем, первые посетители являются сюда еще два часа назад: в утренние часы залы Музея предоставлены для углубленной работы Совета пионеров. Число посетителей здесь знаменитый писатель и артист, известный всей стране. Одни, промотив к красному витринам телеграммы, старательно переписывают ленинские телеграммы. Другой, привадушившись, вспоминает в фотографии, долго беззабоно стоял

В МО

на площади

День в Центральном

перед гипсовой маской, снятой с Ильича в страшный январский день 1924 года.

Писатель и артист напряженно работали. Они искали новых красок для воплощения бессмертного образа: один — в книге, другой — на сцене. Быть может, они предчувствовали грядущие творческие победы. И все же они не могли не сознавать, что ни одна пропись не способна даже самое совершенное, не в силах звать того очищения близости Ильича, его постоянного присутствия рядом с собой, какое возникло здесь, в вавлинских залах старинного здания на площади Революции.

2. УНИВЕРСИТЕТ БОЛЬШЕВИЗМА

Написанное Лениным наядо мильонными тиражами. Помимо собраний сочинений выходят знаменитые Ленинские сборники, публикующие неизвестные работы Ильича, его переписку, составленные им конспекты книг, наброски статей и др. Почти все это хранится в Музее. В Музее, можно найти и в книгах. Но прогрессисты хотят изучать ленинские документы только здесь.

Вот один из первых декретов советской власти. Он написан рукой Ленина — «Декрет об аресте вождей гражданской войны против революции». Руководители партии кадетов готовили удар в спину революции. Декрет требовал немедленного ареста этих врагов народа. Предания их суду революционных трибуналов. Им предстояло судить и казнить председателя Совета Народных Комиссаров В. Ульянова (Ленина). Дата — «Петроград 28 ноября 1917 г.». Уточнение в дате — «10% час. вечера». И приписка: «Декрет вступает в силу с момента его подписания». Принесика обведена полукруглой линией. Жирная строчка указывает, что вставку нужно сделать перед подписью.

Кинематографисты не могут всего этого передать.

Изображение — это слова. Самые яркие ленинские поречья, характерные подчеркивания, вымысли и вставки раскрывают удивительное многое.

Нужно видеть наимен ленинского пера, гневно подчеркивающее слово «штрайхерство» в знаменитом письме, клевещущее Зиновьеву и Каменеву, чтобы почувствовать всю силу ненависти Ильича к этим полным предателей. Нужно видеть, как разбивает Ильин по слогам фразу «все в-не-воз-мож-но», протестуя против перенесенного в борьбе с белым террором, который винил в сутте ленинской революционной непримиримости и беспринципности противника.

В одной из внутренних ленинских телеграмм, разославших по районам в августе воссозданного года, когда кулацкая контрреволюция хотела заорвать тут, чтобы открыть дорогу белогвардейским наемникам Антанты.

«Действуйте самым решительным образом против кулаков и снохавшейся с ними лево-зарядской сволочи...» «Необходимо создавать бесшадное подавление, но не насилие, а политическое давление, снарядить ячейки хлеба у кулаков и с образцовой отечественной начинкой хлеба с равнодействием бедствия части хлеба даром...» «Совету назначить своих наемников и расстреливать заговорщиков и колеблющихся никого не спрашивая и не допускать идиотской волокиты...»

И эти же стремительные, напористые, покоряющие, суровые, яростные, первые верши народов, воззвания, ярко звучащие в «Гвардии рабочей Ильинской следящей решительный боя». Написаны же пронзительные любовью и дружескими рабочими телеграммы, письма, записки Стalinу, которые с волнением читаются и перевешиваются каждый приходящий в Музей.

1 Письмо Петроградскому комитету партии от 26 июня 1918 года.

СКВЕ, Революции

музее В. И. Ленина

3. ДВА ПОЧЕРКА

Листок исписан ленинской рукой. На втором листе Владимир Ильинский заканчивает фразу и пишет в скобках: «Предложение Ставки». И сразу же пишет, как ставки другим почерком — таким же убористым, как леворучка, только чуть большим начертанием — предложение македонского комитета: «Конспект программы переговоров о мире и инструкция советской делегации, выезжавшей для переговоров с немцами в Брест-Литовск в конце сезанда — того года. Как известно, Иудитика-Троцкий действовал вопросом этой инструкции. Представительская тактика Троцкого проявилась в конце концов к временному замыслу германским империалистам огромным прорастанием нашей родины».

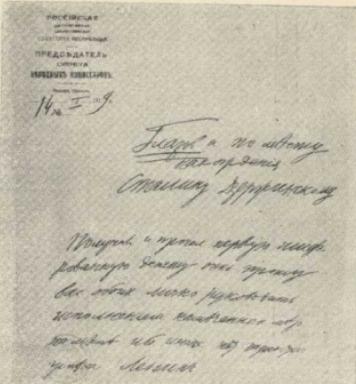
Другой документ — листок о распуске Учредительного собрания. На одном из пунктов, написанных Лениным, редакционная правка Ставки, затем ставленником почерком весь пункт переписан начисто.

Фото П. Новицкого

Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа, декларация прав народа России, декрет о Турецкой Аренде, другие именные исторические документы запечатлевают величие содружество Ленина и Сталина, содружество, напоминающее отношения Маркса и Энгельса. Музей раскрывает историческую правду. Язык, на котором описалась Ильинским самые трусливые моменты революции, — язык бес民族文化ной борьбы с ее бес民族文化ными врагами. Он опирался на партию, на народ, на лучшего сына народа — Ставки.

Вот две телеграммы. В архивном зале, отправленной в Центральный музей Ставки на 1-09 час ночи 7 июня 1918 года, говорится:

«Сегодня около 3 часов дня ласий весь взором бомбой Мирабаха. Это убийство явно в интересах монархистов или англо-французских капиталистов. Мы все видели, как они пытались убить, арестовать Дзержинского и Лапина и начали восстание против нас. Мы антидиректор сегодня же ночью беспощадно и скажем народу всю правду! мы на волосок от войны! Уже вчера вечером в Кремле и в Ленинграде Плевею необходимо подавить беспощадно втих жалких и истеричных авантюристов, ставших оружием

Один из многих волнующих документов, выставленных в Музее Ленина, телеграмма Владимира Ильинича говарящим Ставки и Дзержинскому, находившимся в январе 1919 года на восточном фронте. Текст телеграммы гласит: «Получил и прочел первую шифрованную депешу окно прошу вас обоих лично руководить исполнением намеченных мер на месте ибо иначе нет гарантии успеха Ленина».

...Особенно долго задерживаются посетители у порога кабинета Ильинича. Этот уголок Музея — точная копия ленинского кабинета в Кремле.

в рядах контрабандистов. Все, кто про-
тив войны, будут за нас...»

Вторая телеграмма отправлена через два часа после первой. В 3 часа ночи 7 июля 1918 года товарищ Сталин телеграфировал Ленину из Царицына: «...Все будет сделано. Что касается историчеких — будьте уверены, у нас рука не дрогнет. С врагами будем действовать по-вра-
жески...»

Тогда и его вернейший соратник от-
вел удар контрабандистам, парализовал по-
стрикту спровоцировать войну Советской Рос-
сии с Германией и вызвать замешательство
среди большевиков.

«Пропагандисты закончил осмотр. Они не
отпускают экскурсовода, забрасывая ему вопросы
из записанной в блокноте специаль-
ной памяти. Странно! «Нужно очень много
прочитать, чтобы не забыть хотя бы часть
того, что мы здесь увидели» — говорит один из пропагандистов и добавляет: «Заднюю мо-
сивчаки. Они могут приходить сюда каждый
день...»

4. ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ЗАЛ

Не успевает одна экскурсия отойти от вет-
рины, как подходит другая. По всем двадцати
залах Музея медленно движутся парадные, не-
большие группы заледеневших людей.

Люди стараются не прогореть ни одного
слова посвящения боя Ильину.

К экскурсиям присоединяются однодельцы.
Другие же, наоборот, приходят с экскурсион-
ными отчетами на Ильин. Неудивительно, что
они, как правило, взволнованы.

Люди, вспоминающие о том, что наше
издание было основано Ильицем, склоняются
перед мраморным бюстом, что надо помнить
именно бальзамическую, лучше оберегать наше
дело и любить еще больше этого человека, ко-
торый создал «Станцию Конституции».

Стеклянный шкаф, внутри овеществлен-
ного залога конституции. В нем лежат простреленное
пистолетом. Оно было на Ильине 30 августа 1918 года. Мучительное склоняется перед
дверьми, пробитые террористами Капланом,
заштопанные Найдеевым Конституционным.

«Особенно долго задерживаются люди у по-
рога кабинета Ильинца. Этот уголок Музея —
точная копия ленинского кабинета в Кремле.
Вдоль стены висят картины, одна из которых
сообщения Европейской России, виноградные
листья, «Купите воследующие виноградные листья на
менном отступнике гаванской пены». Пальмы
на табурете. На столе горит лампа под зем-
ным абажуром, пластино кресло чут-чут ото-
двинулось... Тянут простенные стенные часы.
Кабинет пуст, но часы тикают, время идет,
время не останавливается — время, Альянса,
время нашей большой эпохи.

Люди, задыхающиеся, выходят в коридор.
Открываются двери высокого торжественно-
го конференц-зала.

Люди молча рассасываются. Медленно гас-
нут под головами грохот матовых ламп.

В абсолютной темноте раздается внятный
человеческий голос. Ленин! Всемицада! лест
назад, записывает плакетку его имя. Следи-
тель! Ильинская она звонко для детей, для рабо-
чих, для краснодарцев, сидящих в зале.

Вспыхивает экран: живой Ильин на парале,
на демонстрации, на трибуне Колонного зала,
в автомобиле на Ходынском поле. Вот он
вдоме, в Горках, с котенком на руках. А потом
снежная равнина, черная лента людей... Несут
крымскую голову, потом роб. Ильинский зал.
Ильинский зал, зал чувства, зал
Славы, стоящего в почтенном карауле.

Мальчины думают. Мальчины, комбайны, из-
вые школы, дворцы культуры, санатории...
Стены старинного здания на площади Рево-
люции расстывают. И вся страна — могучая,
непобедимая страна социализма — смыкается
с залами Музея как продолжение жизни Влади-
мира Ильича Ленина.

M. ГОЛЬДЕРГ

Василий Богданов

Когда машинист Василий Богданов попро-
сил слова для выступления, он еще не
был уверен, получится ли у него так же
умно и складно, как у других. Он знал толь-
ко, что в управлении его дороги много безо-
бронных пунктов и сформировался на анти-
железнодорожников должны знать обо всем;
большевики не может молчать в этом случае.

И то, что позади трибуны, в президиуме,
сидела и внимательно слушала Богданова Лазарь
Монсович, а впереди затахи дыхание огром-
ный зал, наполненный сотнями людей, хотя и
вокруг него машинист, но как-то по-хорошему,
так, что речь сама собой получалась боевая
и страшная.

Дело уже подходило к концу, все, что нужно
было сказать, было сказано. Но когда народ
правил Богданова... Поглядевшись через стол, на-
речи трибуны, чтобы весь зал услышал, спросил
нарком труда, сидевшего в первом ряду:

— Это вы заместитель доказывает?

— Нет, товарищ нарком, это машинист, —
ответил начальник дороги.

И Лазарь Монсович, как будто получив
исчерпывающий ответ, опустился в кресло и
всесоюзную улыбку имел в лицу, чтобы как ожив-
ление мигновенно захлебнулся рты.

— То-то же! Я и сам знаю, что машинист...

Еще несколько заключительных слов, и Бог-
данов под бурные аплодисменты сошел с три-
буны.

Простая речь наркома — одна из сотен
речей, которыми он углубляет речи товари-
щества, придает им особенный смысл... простая
речь наркома, а Богданов вдруг оказался на вышке,
откуда вся жизнь, откуда ясно видно,
что еще и 30 лет не прожито, апереди много
дел и что это рабочий батоба — теперь уже
батоба государства.

Кто-то ловко толкнул Богданова в бок, и
машинист услыхал обращенный к нему вопрос
наркома:

— Не хотите ли, товарищ Богданов, пора-
ботать машинистом-инструктором?

— Нет, не хочу.

Нарком помолчал.

— А какие причины отказа?

— Чувствую себя недостаточно подготовлен-
ным.

— А других причин нет?

— Нет, Лазарь Монсович.

— А если мы вас направим на курсы? —
умоляющими спросил нарком.

— Лазарь Монсович, побуду на любую рабо-
ту! — с умоляющей интонацией согласился
машинист, и сердце его вздохование забилось,
потому что снова вокруг него и волнение до
самых дна. Рядом с ним сидел инструктор, с
однажды заслуженным званием. Он говорил:
— Понимаю ваше желание, но вы должны
иметь право на обучение в курсах
запасных подводных сил, в инженерских
и технических школах, в дистанционных
телефонных, в тамбурах спальных вагонов и в паровозных
буфетах.

* * *

— Езжайте в депо и ждите вызова на кур-
сы... — скажет Богданову секретарь наркома.

Приехал домой, Богданов заспился и разо-
трещался у себя в спальне на курину.

Был конец марта. Снес на городом быстре
также, как и вчера, в циркус проплачен.

С краин сторожевых постов, мимо
которых мчались Богдановский паровоз, альянс
потоки, в вузлах кувыркались и голуби

Возвращаясь с совещаний или с ездой, Васи-
лий Богданов всегда испытывал чувство осо-
бенного, почти поэтического воодушевления.
Он понимал, что ему легче работать с этим
чувством, и он стремился распространить его
вокруг себя. Повествованием у водозаборной
башни на какой-нибудь станице со знакомыми
машинистом или кочегаром, он рассказывал

Депутат Верховного Совета СССР
комсомолец Василий Богданов

ему о том, что самшва в Москве, кого в этот
раз видел, рассказывала о Сталине, о встречах
с Огневым и Кривоносом...

Но в эту весну, возвратившись с актива,
Богданов не раз ловил себя на том, что, по-
говорив с кем-нибудь из своих земляков — незамет-
но для себя начинать рассказывать товарища,
как он расходует уголь, смачивает ли шах, умеет ли пользоваться песочницей, сам ли сде-
лает ли фитильами и доверяет помощнику.

Подав несколько слов товарищу Богданову
каждый раз отходя к своему паровозу в
полном смущении: «Опять учить призыва...
Что это у меня: призываю такое или просто
нахабиновская речька засыпает?»

Он становился инструктором раньше, чем
научился этому курсу.

Свой прославленный на дороге паровоз «Ф.Д.»
одинокосью Богданов водил в эту весну в еще
лучшем состоянии чем зимой. Год спустя
нормы технического состояния были уве-
личены на скорость пробега до 48 километров.
Он унаследовал приемы артиллерии на заты-
нных подъемах и вместо 17—18 минут проно-
мента составил на трудном подъеме за 12 минут, за
10 минут, за 9 минут.

Он разу разве рвал поездов, не проезжал
семафоров, не разрезал стрелок, потому что

—озвещество! Он знал профилю пути и инструк-
цию наркома. Он знал, что надо делать, чтобы
свою бригаду умело их всплыть, держать
в водозаборном порядке смазочные
бидоны и масленицы; за фитильами он следил
сам, никому их не доверяя, и на его паровозе
никогда не греались буски. Когда газетные
корреспонденты спрашивали его о причинах
успеха, он коротко отвечал: «Седьмое чув-
ство — бдительность». Но, когда подъезжал машин-
ист из другой бригады, он говорил: «Ничего не
есть, отставай паровоз, ляг под паровоз,

что-то обстоятельно показывай товарищу,
к чему-то заставляя внимательно пригляды-
ваться.

С удивительной, не проявляемой в нем
прежде наблюдательностью он отмечал все

приключения на дороге и доказывал все эти

причины. Теперь он дергал струны перед собой

не только за собственный паровоз, прошло.

Он по-хозяйски приглашалась теперь в чужим

паровозам и замечал много несправедливых ма-

шик. При виде грязных паровозов он огорчался, убеждался в том, что большинство машинистов пережигает топливо.

Некоторые машинисты, когда он заговаривал с ними, жаловались на свои паровозы, и в этих случаях Богданов говорил трубо, чтобы слышали все, разговаривали с машинистами. Он отнюдь знал, что главное не в машинистах, а в людях, которые ими управляют.

Один из отставших паровозов особенно привлекал внимание Богданова: он следил за nim и депо, замечал его на встречном перегоне.

Машинист этого паровоза не ладил между собой. Часто подойдет к паровозу, Богданов спросит: брат, как дела? И машинист, упираясь лицом другого в плаком угле, из машины. И действительно, на паровозе парили сажинки, стекла были разбиты. Было несколко случаев растаских на подъеме.

Как удивлялся Богданов, когда узнал, что этот запущенный, устальный паровоз всего восемь месяцев назад пришел с завода.

Однажды Богданов, отозвав в сторону одного из машинистов этого паровоза, спросил:

— Отать мне на один вопрос: что, твой напарник — крет?

Машинист, вытирая грязной рукой, смочил:

— И ты не враг, я знаю тебя хорошо, — продолжал Богданов. — Зачем же ты склоняешь?

Машинист угрюмо молчал.

Всегда скользкая слюна из вашей сплющенной пасти! — сказал Богданов. — Тогда Богданов стал по плачу пересчитывать всех аварийников и бракоделов, которые, пользуясь склокой машинистов, горячим депо сплетали и клеветали.

— Ты прав, Василий, — согласился машинист, и в том же день состоялось примирение напарников.

Еще б теперь нарком спросил Богданова, не хочет ли он поработать инструктором, машинист знал бы, как ответить. Но нарком во второй раз и не спрашивал.

* * *

Получив телеграмму, Богданов в начале июня вышел под вечер в последний рейс. Утром заря заставила его на обратном пути у станции Фарковичи. Паровоз стоил среди поля. Тяжелые вагоны, платформы с машинами, углем, рельсами, стрелками, дверьми, закутанные. Здесь, у станции Фарковичи, на скрещении, всегда бывала задержка на полчаса или чуть меньше. Богданов хорошо знал это место: он уже много лет водил паровозы на этой линии.

Он закрыл насос, скосился с паровозом и присел на шпалы, сложенные у полотна. Задыхаясь, покачиваясь, побледнев, Ночью звонкая, короткая, теплая оболочка, вспыхнувшая, сейчас в пансионате у путевого сторожа, в белых юбочках, щеках соловей, а здесь, под ногами, у шапы, цвела крапива и пробивалась молоденькая травка.

Северная весна уже кончалась. Второй вечером первая стековая залетела в паровозную будку, и коготь, смесь, бросая ее в огонь. Богданов, вскальпившийся, сидел на шпалах, поутру на свою полную песню, и видел сам себе уединился, вспомни, что вечером он слышал в московском складе, а завтра уже начнет слушать акции. Он стал приывать, как это получилось, что для последней полторы голы, после рекордов, стахановского соперничества и изграждения оленем, его жизнь вместила столько событий и перемен, сколько другому впору на мирской сцене.

«Было ли в жизни отца столько счастливых событий, сколько в моей за полторы голы?» — подумал Василий Богданов, припомнив, как прочитал он на курорте осенью 1935 года в рецензии Петра Кривоноса, как последние дни, как возглавил стахановское движение на своей дороге и был вызван на совещание в Москву, слушать великого Сталина.

Он был посыпан машинистом на машиностроительном паровозе «Ши» и тогда уже получила орден Ленина. Он выступил на Чрезвычайном VIII всесоюзном съезде советов. Он в числе других вместе с товарищем Стальным редактировал Конституцию.

Он рос не один. Его товарищи по паровозу, по депо росли вместе с ним; он, может быть,

только чуточку обгоняя их в развитии. В ленинградских газетах теперь часто писали о паровозном депо и называли его фамилию. И всегда следила присыпка: «Таких, как Богданов, мало!». Это было очень правильная присыпка. Богданов, конечно, хотелось получить медаль после награждения орденом Ленина. Одно из них особенно запомнилось. Писала восторженная девушка, комсомолка, работница итальянского завода:

«Т. Богданов! Спаси поздравлять вас с высшей наградой. Вот только сейчас я прочла о награждении, и каково-то сверхестественная сила заставила меня посыпать вам поздравление. Это разумеется, потому что охватывает каждое бьющее сердце, это дух улья смеха, который озаряет не только награжденных, но всех, стоящих у стены...»

Письмо было написано размыщливыми, изволненными почерком. И, может быть, для того, чтобы одному посыпать не посыпал ее за капюшоном влюбленную дурочку, девушку-принцессу.

«Р. М. Мой друга присоединяются к моим поздравлениям. Шлют вам комсомольский привет». Далее следовало восемь подписей.

Машинист удалился: он представил себе этих славных девчат и ребят с итальянского завода, стоявших вокруг письма, их остроты, шуточки... Он сам мог бы написать такое письмо. «Дух Виноградовой или Нине Каминовой...»

Было время, когда Богданов, смеясь, сплюхивал кровяную слюну со всем поклонением.

Сядя возле паровоза, на шпалах, в окружении семафора у станции Фарковичи, Богданов перенес этот час счастливого единения.

Но семафор дал путь, машинист поспешно покинул со шпала, и тотчас, как будто сорвал голос, умолк словами и стало по-утреннему тихо в белых избушки.

И через минуту паровоз уже туда на полном ходу удалился.

* * *

Поздно вечером Богданов приехал с чемоданом на вокзал к поезду, который должен был его отвезти в Москву.

Он оставил свой чемодан в купе, покурив в трактире, и удалился.

Северное изобилие небо деревало в своей бледновязкой глаубине две-три звезды — не большие; зато стационарная земля — с ее паровозными проекторами, красно-зелеными звездами стрелок и белыми клубами пара на малую-черном фоне — казалась яркой, нарядной и праздничной.

У паровоза находился знакомый машинист, товарищ отца, маленький быстрый старичок с

блекличими глазами, с коротенькой седенькой щеточкой усов над губой.

— Разводишь пары, Тимофеич? — спросил Богданов вместо приветствия.

— А ты, пашенок, опять в Москву? — с приветствием спросил старичок.

Учиться на курсах. Буду паровозистом.

Старичок любил Богданова. Они любили его, может быть, потому, что он был сыном их товарища по депо, всю жизнь работающего на этой дороге; они знали: Вася с мальчишеским лет: это вопрос на их глазах, ходил в школу с их детьми: они гордились ими теперь как собственным потомком.

Старик взбрался по лесенке в паровозную будку.

Иди и нам... — сказала он.

Раздались сигналы, и Богданов уже находился на паровозе.

В грохоте нарастающего железного бега стяжка приподняла и уху Василия седую колонку шесточкой усов.

— Семафоры со звездочкой? — спросил он, глаза его загорелись.

— Звездочку? — удивлялся Богданов. — Нет. Тимофеич, в начальники депо безусых не назначают. Это еще не скоро...

— А я тебе говорю: скоро! — закричал старик. — Я прежде наркома знал: будет у тебя в этом году звездочка в петлице.

После ужина выпес в поезде. Маленький огненный огонь колхосников цвет. В светах передвижющейся дымки почта осталась позади Любани.

Богданов высыпалась в окно. Ветер был в лице. Грохот колес, то усиливаясь, то ослабевая, вел какую-то свою, сложную мелодию:

...Завтра учеба... Москва...

Богданов еще и не знал, конечно, что в этом году, не пройдет и две недели, он будет национализирован. Известие о национализации избирательный округ под Ленинградом выдавал его кандидатом в Верховный Совет Союза. Он еще не знал, какая будет кипучая осень, как он будет сидеть по округу с предвыборными речами, встречающимися с колхозниками, с учительями, с шефами, как избогат на депо прогульщиками, аварийниками, подлыми, как поведет за собой молодежь...

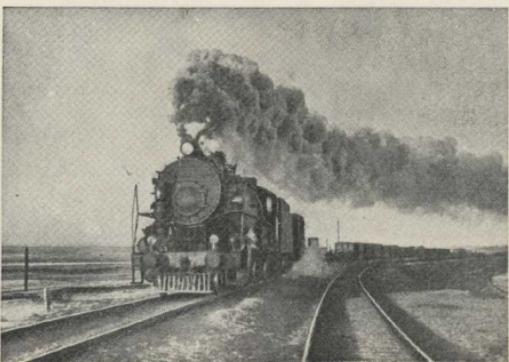
Он знал, что впереди его с тротуара колес. Звуки песни, звуки отчальной и сильной драмы, строились сами собой.

А в купе пятого вагона пассажиры в окнами постепенно белые беспокойно оглядывали сильное честерского места, разглядывали человека, зашарпанный на плечу, и спрашивали:

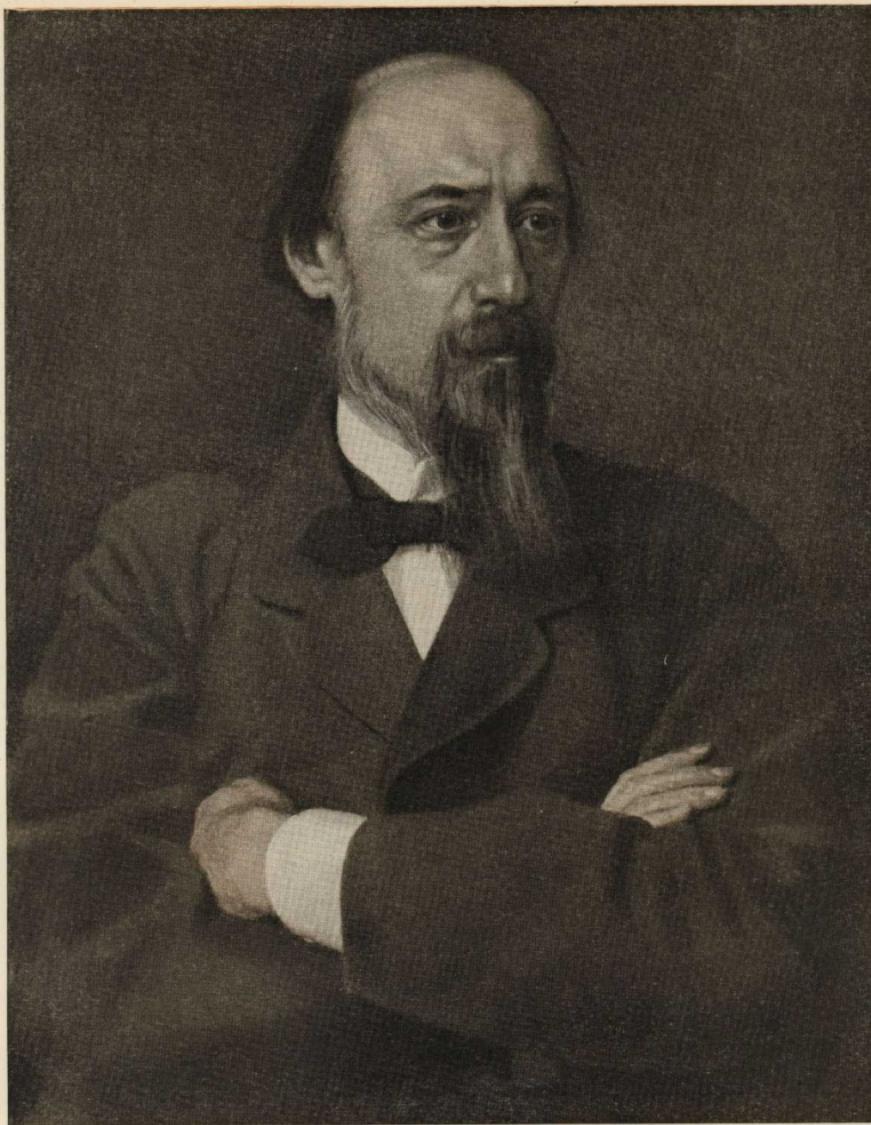
— Не ездил ли он от поезда?

Ник АТАРОВ

Фотоэтюд Н. Верченка

В пути

НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ НЕКРАСОВ (1821—1878).
Портрет работы художника И. Н. Крамского (Государственная Третьяковская галерея).

ВЕЛИКИЙ НАРОДНЫЙ ПОЭТ

(К 60-летию со дня смерти Н. А. Некрасова)

Некрасов пришел в литературу в те годы, когда еще не замолкали отзвуки двух подовых предпоследних выстрелов, прервавших жизни Пушкина и Лермонтова. То была жестокая и темная пора николаевской реакции. Некрасов писал об этом времени:

«Тогда все глохло и мертвело
В литературе нашей было:
Сокрушась Пушкин; без него
Любимый писатель скончался.
В борнем похалах мечтой
Она погрязнула потупленной.
До общества, до жизни ей
Как будто не было и дела.
В то время, как в родном краю
Открыто злодействовало,
Ему лиши «благослов-блю»
Литература расплатилась...»

Некрасов, впервые выступивший в 1839 году с неудачным, подражательским сборничком стихов «Мечты и звуки», прошел сквозь стойкий этих страшных лет. Порвав с крепостничеством, пост вицмани жалок, голодное существование. Он изведал в молодости всю тяжесть жизни литературного ремесленника, расстранив свой талант на пошленные водевили и забодливые куплеты в угоду неземственной и тупой публике.

Огромную помощь Некрасову оказала Белинский. Белинский стал в полном смысле слова «духовным отцом» поэта, разглядев в нем яркий самобытный талант, дав этому таланту передовое направление. Дальнейший штурм революционной борьбы и служения народному делу Некрасов прошел под руководством двух других своих друзей — Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова.

Великие демократы-революционеры укрепили любовь поэта к родному народу, под их мотивами вспыхнули Некрасов преодолевшие минувшие колебания и приступы маодушизма.

Ленин говорил:

«Некрасов колебался, будучи лично слабым, между Чернышевским и Добролюбовыми, но все симпатии его были на стороне Чернышевского. «Быть на стороне Чернышевского», по Ленину, значило быть на стороне крестьянской революции, на стороне народа».

Начиная с первого своего самобытного стихотворения «В дороге» до последней строки, написанной им, Некрасов был верен гражданской теме, черпая в глубинах народной жизни материала для своих замечательных стихов, песен и поэм.

Продолжая дело, начатое Пушкиным, Некрасов занял в истории нашей поэзии особое место, данное ему своеобразием и новизной его тематики, его языка, общего тона его поэзии.

Следуя Пушкину, Некрасов сделал громадный шаг в сторону обогащения русской поэзии сокровищами народного языка. Он ввел в поэзию темы и образы из жизни трудового народа, считающиеся до него изнанками и недостойными вспомоществования на «языке богов».

Создав новый в русской поэзии жар спиритического феятона и памфлата, Некрасов сделал русский стих остро отточенным орудием политической борьбы. Он вслед за Пушки-

ным и Лермонтовым обогатил русскую поэзию сокровищами народной устной поэзии, черпая образы из песен, пословиц, поговорок, сказок и сказаний трудового народа, крестьянства.

Новое в поэзии Некрасова — новый язык, новые формы стиха — определилось тем новым, что было в жизни, окружавшей поэта. Темы его поэзии отразили новые течения в городе и деревне, характерные для противоречивой эпохи 60—70-х годов, когда старый быт рушился под напором растущего капитализма.

Шестьдесят лет, отделяющие нас от даты смерти Некрасова, не ослабили силы воздействия его стиха на читателя. И произошло это потому, что поэтический гений Некрасова помог ему воплотить в своих произведениях язычие и существенность четырех эпох до и после так называемого обновления крестьян.

Молодой советский читатель, обращаясь к стихам Некрасова, видит в них не просто «дела давно минувших дней, предания старым гаубочкам»: гнев и злость этих стихов живы и сейчас: они волноут и заливают нас, возбуждая ненависть к бывшим «сильным мира сего» — угнетателям и эксплуататорам народа.

Бичи альбатросов-бульонов, представителей людской звонкой фразы, показывают подлость и двуличность своих современников. Некрасов помогает молодому советскому читателю разглядеть тех, кто еще мешает строительству нашей счастливой жизни и маскирует свою подлинную лицо.

И, создавая с великой любовью образы людей из народа, Некрасов укрепляет в сердцах молодежи чувство советского патриотизма, чувство гордости за свой народ.

Художник-реалист, Некрасов никогда не прибегал к идеализации «мужечка», к обходу темных сторон народной жизни. Он смел и беспощаден в глазах правде, веря в великие потенциальные силы народа, способные все преодолевать, все преобразовывать.

В то время как либералы руссийские ужасались темноте народной, обнищалой народ в лености и нелюбви к просвещению, Некрасов всем своим творчеством утверждал, что русский народ — исключительный источник могучих традиций, что народ явится к просвещению, что все, созданные в стране, созданы руками этого народа.

В образах Савелья, богатыря сибирского, Якима Нагого, в образах семи крестьян — скитальцев, искателей правды народной, героях поэм «Кому на Руси жить хорошо», Некрасов утверждает пробуждение народного самосознания, великий порыв народа к жизни, к обновлению от страшных пут рабства и темноты. И не даром ни у кого из русских поэтов нет такого обилия образов простых русских людей, умных, сильных, смелых, способных на великие дела; не даром ни у кого из русских поэтов нет столь любовных воспеваний образов русских женщин, не сгибаемых в несчастье, сильных в радости, могущих в труде.

Любовь к родному народу, к родине с особым силой запечатлел Некрасов в стихах, посвященных молодежи.

В поэме «Кому на Руси жить хорошо» Не-

красов расует трагический образ современного ему молодого поколения в лице дьячковского сына Гримши. Гримше

«...судеб готовил
Путь славный, имя громкое,
Чалотку и Сибирь».

Поэт напутствует своего героя словами:

«Иди к умноженным,
Иди и обильным —
По их столам,
Где трудно дышится,
Где горе сминается,
Будь первый там!»

Девушка в «Песне из «Медведевой охоты», выражая созревшее в сердцах молодежи стремление к большому делу, говорит матери:

«Отпусти меня, родная,
Отпусти не споря!
Я не травка полевая,
Я азора у моря.
Не рыбачий парус малой,
Корабль мне сиять...»

В большое плавание, к жизни во славу родины, во имя обновления и счастья родного народа звал Некрасов молодое поколение своего времени. В этом поколении он чуял великую силу. Он знал:

«Не бездарна ты природа,
Не погиб еще тот край,
Что выводят из народа
Столько славных то и знай».

Велика заслуга Некрасова перед родным народом. В пору безвременя, в пору первого пробуждения народного сознания, острый временный художник-реалист увидел, почувствовал на величину силу своей родины. Гимном сбывающимся сегодня, гимном будущему родной страны звучит его поэзия «Русь»:

«Встали — не бужены,
Встанем — не пропенены.
Жизнь по звездышку
Горы вспомнимы!
Рай поднимаемы —
Некрасовская!
Слава в ней скажется
Несокрушимы!»

Шестьдесят лет отделяют нас от того дня, когда тяжелый, мучительный недуг остановил горячее сердце великого поэта-демократа.

Под победоносным знаменем Ленина — Сталина от победы к победе идет великий советский народ, осуществляя то, о чем мечтали некогда замечательные люди нашей страны.

У самой грани отшедшего в прошлое крепостничества мечтал Некрасов о времени, когда

зазнунт

«песенка
Веселая и всякая,
Как ведреный денек.
Не дивно ли? Не страшно ли?
О время, время новое!
Ты тоже в песне скажешься,
Но как?.. Души народной!
Воссмесь-ли, наконец!..»

Мечта Некрасова сбылась: от края до края земли советской, братались с неумирающими песнями Некрасова, звучит радостная, светлая песня победившего народа.

НЕКРАСОВ И ЦАРСКАЯ ЦЕНЗУРА

В *Балкуну Нестрасову*, другу и соратнику Чертковскому, удавалось, как отмечает Ленин, проводить «чрез пропаганду и рогатки цензуры» — идеи крестьянской революции, идеи борьбы масс за свержение всех старых властей» (*Сочинения, 3-й изд., Т. XVII, стр. 144*). Некрасов мог себе представить, что «лучшим языком массы, между че-
тырнадцати и двадцати пятью годами», — это «*Балкун Чертковский*» (*Соч., 3-е изд., XVI, стр. 132*). Последние слова не оставляют никаких сомнений в том, что Некрасов, по мнению Анишина, стоял в том же идеологическом ряду, что и Чертковский, т. е. подобно ему являлся «музинским демократом», ориентирующимся на крестьянскую революцию. В его стихах, как в статьях Чертковского, проводилась та же «идея крестьянской революции», та же «идея борьбы масс за свержение

всех старых властей». Вот почему среди великих русских поэтов XIX века нет ни одного, который подвергался бы такой исключительной по своему жесточине и упростила цензуры травле, как Некрасов. Царская цензура видела в нем непримиримого врага существующего порядка и все усилия прилагала, чтобы «загадить ему усть».

— Извор свою долгую литературную деятельность Некрасов никогда не чувствовал себя даже в относительной безопасности от цирковых ножниц и красного караулена. Неподдельным трагизмом веет от слов умножившего поэта, сказанных доктору Белоголову: «Вот оно, наше ремесло литератора: когда в свою литературу деятельность — написала свою книгу, — ты можешь ее перестать с интересом, — прошло с тех пор 37 лет, и вот я, умный, пишу свою последнее произведение и опять-таки стоялюсь с теми же ножни-цами».

Чайки». А Терлигов в своих воспоминаниях рассказывает, что когда Некрасов заговорил о том, что он выпирал и вынес от цензуры, в глазах его появилось выражение, которое бывает «у смертельно раненного медведя, когда подходят к нему, и он глядит на них» (т. е. на охотников).

Даже в деревенской типи, в ближайшем общении с «матерью природой», когда его душа «ощущала покой», отдаваясь поэтическому творчеству, Некрасов не в силах был вполне отрешиться от мучительного сознания, что цемуриний «молоток» всегда и повсюду угрожает ему:

«Не чувствовать над мыслью молотка
Я не могу, как сильно ни желаю...»
({Унынис}).

В «Записках о Некрасове» Чертышевского, воинственный характер воспоминаний, сохраняется следующее замечательное место: «Некрасов постоянно говорил, что пишет меньше, нежели хочет ему; слагается в мыслях письма, но является выражение, что напечатать ее будет целый день, и он подолгу мыслит о ней; это тяжело, это требует времени, а пока оно не подвластно, не возникают мысли о другом письме». О чем он думал, что это невозможно сложить скоро, над тем он не может работать? Причина невозможности всегда была цинизмом.

Он был одушевлён идеей, чтобы поделиться ею с обществом; потому что нужна была для работы надежда, что произведение будет скоро напечатано; если бы он забылся о своей славе, то мог бы работать и с мыслью, что произведение будет напечатано лишь через двадцать, тридцать лет...»

действительности» (выражение Белинского), в том числе и от собственно творческих для него цитатных впечатлений. Нераков почувствовал необычайный приток творческих сил. С исключительной подъёмом и впервой он пристался к работе над большой темой лирико-драматического характера. Дело подвигнуло его на то, что это придало новое смысловое наполнение и себе. Идея о том, что не суждено было быть доведённой до конца: в разгаре её Нераков получает известие о цунами катастрофе, разразившейся над только что вышедшими изобретением его стихотворением (первым собранием, если не считать малодушиного юношеского сборника «Мечты и звуки») и «Современником», перепечатавших на этого собрания три забытые острые в политическом отношении вещи: драму «Любовь», пьесу «Драмы», поэму «Драмы», в которой он — попал тогда по-дальному в прах — глохнули.

— Да удастся ли, что это известье «захватило» Некрасова? (18) декабря 1856 года он пишет Тургеневу из Рима: «Мы знали, будто я в состоянии кончить работу, в которой думаю выразить всю своюдушу, без первой попытки, то, что я поискал и нашел, имея в виду, что оно неизменно получит широкое распространение». Правда, оно мне нравится. Гау — в человеке! Я обожаю, что можно будет напечатать ее. О, Тургенев! Зачем же жить? — это мечт, которого жизнь — медленное труное умирание...»

Другой факт, огнть один говорящий о вымужденном отъезде Некрасова от увлечения его работы, относится уже к 70-м годам XIX века. Член Академии наук И. С. Аксаков в своей поэме «Буксус» написал: «Некрасов задумал предложить разработку этой темы и составил уже пялье белозерской поэмы, в которой предполагал изобразить жизнь декабриста и их жены в Сибири». Однако он предположил, что при реализации этого плана встретятся очень существенные препятствия. В письме к Аксакову (от 25 марта 1871 года) поэт просто назвал эти препятствия: «**1** — недостаточность материального птуяла, позволяющего насасывать предмета только стороной, **2** — крайняя неподготовленность русских аристократов по сообщению фактов, хотя бы и для та^кой цели, как моя, т. е. для прославления»². «Неподготовленность» русских аристократов было все же возможным преодолеть. Но вот «ценность» материального птуяла, о которой говорил Некрасов, оказалась настолько велика, что даже сама смерть не спасла его от дальнейшей работы над поэмой, которая стала спасением для Некрасова от грядущих опасений его гибели.

статьи в газетах.

Я привел всегда для примера отклик поэта от работы из-за цензурных преследований. Таких примеров, при желании, возможно было бы привести гораздо больше.

Дебордова, конечно, не привыкающая к жизни в санкт-петербургском письме 1859 года к Бородину с тоской и болью воскликнала: «Боже мой! сколько великолепнейших вещей мог бы написать Некрасов, если бы его не давила цензура!»

Как ни старался, вообще говоря, Некрасов приспосабливать свои стихи к цензурным тре-

¹ Название «Русские женщины» в свою очередь явилось некой пикантной находкой: в означенной поэме позывка «Декабристки».

уступкой писателю: в рукописи форма называлась «драматикой».

2 Здесь Никрасов намекает на то, с каким трудом ему удалось «запечатлеться» в «издававшихся тогда еще» в рукописи «Записких» М. Н. Волконской, столь широко использовавшимися им для второй части поэмы.

бованиям многие из них так и не удалось ему увидеть напечатанными.

Помя «Белинский», написанная в 1854-1855 годах, появилась в русской легальной прессе в 1881 году, в журнале «Древний и новый Россия» (№ 2); стихотворение 1858 года — «Бунт» — в 1913 году; стихотворение 1861 года «Ты, как поденщик, выходи!» (впоследствии называвшееся «Тугоревен») — в 1913 году; стихотворение 1874 года «Путешественник» — в 1913 году; стихотворение 1874-1875 года «Что нового?» — в 1913 году; стихотворение 1877 года «Есть и Русь член гордый» — в 1912 году, и т. д., и т. п.

Последнюю главу поэмы «Люси на Руси» я считаю хорошей, этого напомбле крушено по размерам, напомбле выдающегося по художественным достоинствам и общественной значимости произведения Некрасова, ему также не удалось пропечь. Глава эта была написана на основе «1876 года в Крыму» и мифа, будто написана подорванное здоровье. Некрасов надеялся на печать «При» в новойбральной книжке своего журнала, но цирюль Лебедев усмотрел в сюжете жизни поэмы такие картины страданий и муки, как и баэрганного призыва к смерти, «внушающие всяку бесприятность и не могли не возбудить негодования и ненависти между двумя соединениями». Под соловинским напомблем цензора и Цензурируемого комитета, угрожавшим временем всего номера журнала, редакция «Отчественных записок» ничего не оставила и не изменила в изъятых «При» из текста поэмы. Наметившаяся блажь в отношении происшедшем Некрасову вспоминается тем, что у него существовало лицо нового знакомства с председателем Цензурируемого комитета Петровым, он, по рассказу сестры (А. А. Бутевской), «посад на Петровым и был этих два часа доказывать всем исключительности на него напомбла. Петров, конечно, сопеска отирая пот с лица, как будто из какой-то жаркой бани, спросил: «Да успокойтесь, Н. А., это «нотоправление», переделайте — тогда и пройдет».

Как и следовало ожидать, разбор оказался вым никаких практических последствий не имел: в дело уже был посвящен главный инспектор цензурного ведомства—начальник Главного управления по делам печати В. В. Григорьев.

Некрасов, жертвуя своим самолюбием, пытался воздействовать на Григорьева, написав ему письмо, но оно осталось безрезультатным. «Пир» был напечатан уже после смерти поэта, причем первое его издание вышло в 1879 году недорого, отдельной брошюрокой.

Ни «Размышления на парадного подъезда», ни «Рыцарь на час», ни «Орины, матери солдатской», ни «Келезней дороге» Некрасов не смог напечатать сразу. «Размышления» было написано в 1858 году, а появилось на страницах собрания стихотворений Некрасова лишь в 1863 году, да и то после того, как Герцен не напечатал это стихотворение в «Колоколе» (1860 год, номер 15 января), да ему самому

остроумно и извечно «всплеск» его в своих несравненных «Песнях о свободном слове».

Самой обычной формой цензурного нажима на Некрасова являлись насыщенные из ятии и изобличающие манеры стихотворений написанных им, наполовину острых в политическом отношении строк.

Так, ни в одном из изданий, вышедших при жизни Некрасова, мало того, ни в одном из дореволюционных изданий в тексте стихотворения «Отрывки из путевых записок графа Гаранского» не печатались следующие строки:

«...Вот памятное место!
Тут славно мужик расправился с олими...
—А что? — «Да сделали из барина-то
тесто!»
—Как тесто? — «Да в куски живого
изрубили.
Одни мужик... попал такому в ашты...»
«За что же?» — «Да за то, что барин лаком
был.
Ни свой, примерно, гвоздь чужие ворвали...
Шалили...
—Как так?» — «Да так, сударь, что ж
нити мужик...
Веди к нему живу; проспят с ней первую
ночку,
А там и к мужу в дом... да народец
дик.
Сначала потерпел — не всяко лико в строф-
ку...»

А после и того...»

Из текста стихотворения «Саша» цензура вы-
брала строку второе четверостишие:

«В ком я воспитано чувство свободы,
Тот не забыт его. Нужны не годы.
Нужны стяготы, и кровь, и борьба.
Чтоб человека создать из раба».

Сламы пострадала от цензуры и знаменитое стихотворение «Поэт и гражданин». Толков в первом издании (1856 года) оно было напечатано в более или менее полном виде, в по-
следующих же изданиях, по категорическому требованию цензуры, искалечася целиком ради
стрикций и прежде всего знаменитые стихи:

«Иди в огонь за честь отчизны,
За убийцами, за любовь,
Или и гибель безупречна —
Умрёши на даром, дело проно,
Когда под ноги струются кровь...»

В поэме «Гессенчины» была изъята цензурой и ни разу не была напечатана при жизни поэта, в первом стrophe «Гесин преступников», начи-
нившаяся следующими строками, посвященными царской России:

«Уней, родимой, трепеты многои...
Едва по маисты воров!
В Ени пишы гарсик чортги,
Но жаки изым мужиков».

В тексте «Фамири» на час Некрасов, конеч-
но, и думать не мог внести следующие строки, сохранившиеся в варианте, написанном поэтом
в альбоме Л. П. Шлагенвой:

«В эту ночь со стыдом сознаю
Бесполезно погибнуть силу мою...
И трудачийся, белый народ
Прело мною с упреком идет,
И в лицах его я вижу грозу,
И в душе подавить и сплюнуть слезу...»

Да! теперь к тебе бы возвозил,
Белый брат, утешенный скорбящий..
И також бы правдой звучал
Голос, мой, из души исходящий.
В нем такая бы сила была,
Что толпа бы за мню пошла.

Из поэмы «Дедушки» Некрасову пришлось изъять следующее четверостишие, вложенное бы-
ло им в уста возвращенному деда-братью:

«Взросле люди — не дети,
Гру — кто сторицей не мстит!
Помни, что нету на свете
Погоняющих боязь».

Мне неоднократно приходилось указывать в печати, какую неминуемо жестокую вынужденную цензуру учинала над «Доброписьем» цензура на первых частях поэмы: всякие упоминания о царе в кафтане постали 14 декабря 1825 года на Сенатской площади были изъяты, в том числе и строки:

«Когда же пушки наставят,
Сам царь скомкалова: «Пали!»

Прошелася красный караулан цензура и по сатирической поэме «Современник» и по нектарско-шведцу — поэме «Кому на Руси жить хорошо». Так из текста последней исчезло выразительнейшее четверостишие:

«Работаешь одни,
А чут работы кончена,
Гляди, стоит три дольщик:
Бог, царь и господин».

Из «Пира на весь мир» беспощадно искаль-
чен был целый пир, вроде «Беседы» и «Солдатской».

Приведенные примеры не исчерпывают и меньшей части цензурных выбросок из текста стихотворений Некрасова.

* * *

Но и этим не ограничивалася цензурный на-
жим на поэта. Едва ли не более всего дав-
алася ему необходимость приспособления свои
стих к требованиям власти, вносится в их
текст такие изменения, которые ослабляют их
протестующий смысл, делают их более приемлемыми с точки зрения официальной идеоло-
гии.

Так, в знаменитой «Песне Еремуши» Некрасову пришлось исказить алогиз француз-
ской революции и в формуле «братство, равен-
ство, свобода» заменить слово «свобода». В этом же стихотворении насыщенный ярким
революционным содержанием призыва пить

«Неубедленную, дикую
К угнетателям вражду»

Некрасов должен был сильнонейшего, заменив слово «угнетателям» выражением «алют подастъ», которое акцентировало вину членов общества перед социальным, сколько же, за этическим моментом.

Еще мучительнее дальше поэту вынужденные цензурной ситуацией дополнения сугубо бла-
гогармоненного порядка. Некрасов шел на них
и в изключительно редких случаях, на всх
иже иногда шел. Так, страсти жажды увидеть
перед смертью напечатанным «Пир на весь
мир», он, по свидетельству сестры, «со скреже-
том зубов» присочинял два стиха, содержа-
щие

ших комплимент Александру II и искавших до некоторой степени идеологическую направ-
ленность поэмы:

«Славься народу
Давший свободу!»

Это было подлинная моральная «взятка» цензуре, которая, кстати сказать, не принесла ожидаемые результатов.

Здесь уместно будет подчеркнуть, что, кроме «моральных взяток», Некрасов иногда вы-
нужден был давать и «неморальные взятки». Он систематически «прикармливал» цензоров дорогостоящими языческими сундуками, он про-
водил в царские палаты пачкающие суммы, он
поглядывал, как это изменило место с членом совета Главного управления по делам печати Феодо-
ром Толстым, печатал их статьи и пласти на них высокие городники. Ригористы осуждали за это Некрасова, но ведь «с полками жить — по-
волчью нить». Если бы Некрасов в своих много-
летних спорах с цензурой не шел на подобные
свободы, — сава ли бы он смог в такой ме-
ре послужить делу политического и социаль-
ного раскрепощения русского народа, как он
послужил ей. Нельзя забывать то, что в тече-
ние целых 30 лет в классической стране само-
извергавшегося деспотизма, полнейшей насилья
и бюрократического произвола Некрасов печа-
тал такие вещи, как «Лес» Еремуши, «Жи-
тель» Руды, «Руки в короне», «Рыбачий путь»,
западные журналы такого направления, как «Со-
временник» (1847—1866), и «Современник»
(1868—1877). Это было по плечу
только человеку выдающегося ума и редкого
умения применяться к людям и обстоятель-
ствам. А необходимость применяться к людям
и обстоятельствам в условиях царского режима
неизбежно вели к компромиссу, к некоторому
отступлению от принципа, чтобы избежать нравствен-
ного обличия. Некрасов, привыкнув ему также
всех соревнований, которые он осуждал в себе с бесподоб-
ной силой, Некрасов, привыкнув ему также
всех нравственных царских цензур, привыкнув
к ним, Некрасов, так называемый и привыкнул
к ним, по посланию. Не удивительно, что, как толь-
ко была отменена предварительная цензура, он
поспешно напечатал в «Современнике» сати-
рическое стихотворение «Газетчица», в котором,
как заявляли охранители, было изображено «з
художником склонение к злу».

Это не прошло ему даром: стихотворение «Га-
зетчица» послужило олицом из мотивов для об-
разования «Современника» первого предстере-
жения.

Н. А. Некрасов и И. И. Панас у постели умирающего Белинского.

С картиной художника А. Наумова.

Литературный календарь

БАЙРОН
(1788—1824)

Сто пятьдесят лет тому назад, 22 января 1788 года, родился великий английский поэт Джордж Гордон Байрон. Он прожил коротко, но бурную жизнь. По рождению он был бородой и имел право заседать в палате проповедников (верхней палате английского парламента). Он прошел через все виды общественной деятельности, три речи, которые вызвали неоднозначные восторги, «добродушного» английского общества. Правящие классы требовали смертной казни для восставших рабочих-ткачей. Байрон выступил в их защиту и назвал их бородами, требовавшими суворых мер против рабочих, «африканскими птицами, сидящими на своих улюпаньях рабов».

Общество отомстило Байрону за его выступление в защиту угнетенных: его изгнали с женою были раздуть в чудовищный скандал Диона Байрон и ее родственники травили поэта, угрожали ему брахоразводным процессом, подсма-

ли к нему докторов, чтобы те, подсмотрев какое-нибудь «странные» в его поведении, обвили его сумасшедшим. Байрон был вынужден бежать из Англии. В 1816 году он вернулся на свою отчуюнку. Восемь лет провел Байрон в сияниях на Европе. Всюду, куда он ни приезжал, спазмировал связь с революционерами, принимал участие в заговорах против реакционных правительства европейских государств. В 1821 году Греция вышла из восточных противников первого вице-короля. В 1823 году Байрон воссоединился к армии восставших. В местечке Миссолиги Байрон заболел и 19 апреля 1824 года скончался.

Все поэзия Байрона проникнута одним основным мотивом — негодованием и склерою человека, который может принять буржуазное общество с его всемогуществом болезнью. Байрон — человек-народ, антидемократический добродушный и гуманный пороками. Байрон создал величественные образы отверженных людей, противостоящих себе всему человеческому роду. Таков Чайльд-Гарольд, одинокий странник, бегущий от неизвестной ему опасности в глубину горной пропасти (поэма «Городничество Чайльд-Гарольда»); таких гордых Макфред, человек с опустошенной душой, которому «неподвижно лицо земли» (драматическая поэма «Макфред»); таков Ками, обивавший вену борту за то, что он создал мир, где гарпует скорбь и смерть («История Ками»).

Байрон — один из величайших европейцев в русской литературе. Пушкин создал целый цикл байронических поэм: «Казаваддин», «Братство-разбойники», «Бахчисарайский фонтан», «Цыганы», «Демон Лермонтова» — одинаковый байронический герой. Байрон проникал не только в античную культуру. В России в 20—30-х годах XIX века считалось модным быть раздорающим, как байроновские герои.

Модное увлечение Байроном было прошло, но его творчество на всегда осталось в литературе как непревзойденное выражение склероза и неизвестности человека к миру, и неизвестности человека к миру, основанному на утищении.

АЛЕКСАНДР ПОЛЕЖАЕВ (1805—1837)

Офицерский мундиры, в которых поэт изображен на портрете, Александр Полежаев никогда не носил. Звалище офицера было «пожаловано» племяннику чину Полежаева пятью годами после смерти, когда в последний день его короткой и страшной жизни.

Судьба этого офицера, членом которого даже в биографии героя, того, по словам Пушкина, «чорт додрога ротиться», Все упанско в этой судьбе; и действие, проведенное в пыльном доме отца помещика Струйского и неслыханное положение «казаконикондентного», и роковой эпизод, включивший искалечивший жизнь поэта.

Приговор Николая был «милосердия»: автора «Сашки» сдали в солдаты.

Надо трудно представить себе весь упас, все беспредельное одиночество умного, талантливого, страстного человека, затянутого в «сермяжную броню», лишенного всяческого привилегированного от иноверцев воинского труда, иноверского начальства! Нам невозможно представить себе судьбу поэта, прогоненного к муктуре и шатистке, обретенного служить «без высокаго...»

Что сказать о всей жизни, если самим светлыем событием в ней было краткое пребывание в имени полковника Бийского — автора донаса, погубившего поэта?

Горючий, гневный, тоскливый и забывающий о любви Польшаев. Судьба этих стихов напоминает судьбу их творца. Искаженное циркачом, изменившее до неизвестности, они с трудом доходят до читателя. Многие из них были опубликованы только много лет спустя после смерти поэта. Многие утрачены на всегда.

Литературное наследие Полежаева — искаженное и забывающее о нем. Но лучше из того, что познано и скроплено «Песнь плачного прохвата», липецкий горючий «Арестант», поэмы «Чир-Юрт», «Эрнели», предметный волы поэта — «Чакхата», — замечательно тем, что это стихи не подражатель-эпиона, но значительны. Острые политические стихи, смешные, суровые, реалистичные волны разошлись из от привычных, грядущих стихов садовых поэтов той эпохи.

Стихи Полежаева обращены к будущему. Гиенесы потери его поэзии поддаются Лермонтову. И в самом близком, самом прямом родстве с творчеством Полежаева друга скобрия муз — «бледня», в прозе, именуемой «муза Некрасова».

Полежаев умер от туберкулеза 100 лет назад, 16 января 1838 года. Могила его неизвестна.

тезматисты». «Песня о Сталине» и большая поэма «Датстан».

В 1934 году Стальский встретился на съезде писателей с Алексеем Максимовичем Горьким.

— Я рад, что мы оба старики, — произнес он с удивительной неизвестностью. — Мне будет легко говорить с вами.

И они, сев рядом, заговорили через переводчика, как если бы были знакомы много десятилетий, очень привыкли друг к другу. И умелись, поглядывая друг на друга...

В начале 1936 года Стальский вновь посетил Москву в качестве делегата Европейского совещания животноводов и встречался с товарищем Стальным.

В эти годы слава Стальмана Стального становилась общенародной.

В 1937 году колхозники родного уезда, нефтники Избербаша, труженицы Дорбента, Калкента и аула Ахты выдвигают кандидатуру своего знаменитого земляка в депутаты Совета Союза, но поэту не дается до великого счастья заседать в Верховном Совете нашей страны.

Со смертью Стальского поэзия Советского союза потеряла смысла и яркого бойца. Наследство его колоссально. Оно не только в книгах стихов, записанных со слов поэта, но и в тех явных, как им сам называл, книгах — милюющих слушателей, поющим его песни.

Н. ПАВЛЕНКО

О СУЛЕЙМАНЕ СТАЛЬСКОМ

(1869—1937)

Недавно умер поэт Дагестана Сулейман Стальский. История жизни этого человека представляет глубочайший интерес для молодежи нашей страны.

Сулейман слагал песни в поле, за работой. Это было задолго до революции. Стальки по тем временем не могли пропеть его. Они называли в том же звании «красной, восстанической против пещи мух и старцов».

Но постепенно известность поэта росла. С его слов сообщали рассказ, как однажды, выехав на заработки в Дербент, он заночевал в пригородном караван-сарайе. Ночью услышал Сулейман, как сасек под его стыки.

«Впереди жизни я испытала такую радость и счастье, через много лет Сулейман — это была изграда. Я поняла: народ знает и любит, что я создала».

В 1920 году в Тимир-Хан-Шуру (теперь Буйнакск) приехал товарищ Стальки провозглашить автором поэзии Дагестана. На съезд в Тимир-Хан-Шуру собирались большевики и красные партизаны из самых отдаленных аулов. На

съезд прибывали с оружием в руках сквозь разрывы, занятые бельмами.

Сулейман не остался в стороне от всеобщих своих песен — «Песни о Сталине».

Сулейман Стальский всю жизнь прожил чадовским, не знающим грамоты, но, однако, называть его истрогом было бы совершенно неверно. Он владел тюркским, иранским и арабским языками, о многое в жизни.

Одно перечисление его главнейших стихотворий дает повод для башмачных обобщений.

Вот годы 1909—1914: «Соловей», «Старшина», «Меч», «Сулейман», «Погоня», «Грабчи», 1919—1936: «Погоня», «Страды», «Смерти Азиза», «Старый враг не может быть другим», «Балхимончили», «Колхозники», «Весенним севу», «Первому следу советских писателей СССР», «Горючим», «Октябрь», «Наши сны», «Ракочки», «Речь на торжествах по случаю 15-летия ДагССР», «Песня о бди-

КОММИВОЯЖЕР

Мать Джимми Рэндала всегда говорила, что ее сын рожден коммивояжером.

Сыда после сбора урожая за стаканом сидра, купленного у Джимми, соседи боялись, что нет такой вещи во всем каталоге¹, которую Джимми не сумел бы продать.

— И притом с выгодой! — добавила леди Оливэр после глубокой затяжки. — Чертовски много можно заработать торговлей! Будущие страны и каждого ее обитателя зависит от торговли. Торговля — это дело! — заявляла она, размахивая своей трубкой.

Джимми Рэндал раз езжал по всему северо-западному Агавскому району, продавая щетки, ремни для пакри бритья, кухонные гарнитуры, собирая подписку на газету «Плэттс» и волное собрание сочинений Скотта, Диккенса, Твена...

Когда начали распространяться электрические приборы, Джимми одним из первых стал продавать электрические плафоссы, электротрубы, панели, точечные станины...

Всюду у Джимми были знакомые. Он помнил, кто, какую вещь купил у него прошлой весной, сколько должен, если купил в рассрочку, и какую вещь предложил им в следующий раз.

Некоторые фирмы давали, кроме комиссионных, еще премии. У Джимми всегда был полный список этих фирм. За продажу 100 футов востостроительной для волос (левушка — 25 центов за бутылку!) Джимми получала настоящий холстичный ковер стоимостью в 7 долларов и 25 центов. Кроме того он получал в разное

время 2 альбома для марок всего мира, 4 складных ножа, 2 бейбольных биты, запонки из чистого серебра и массу других полезных вещей.

И все это, не считая денег! Потому что, кроме всего этого, Джимми получал от представляемых им фирм комиссионные за каждую штуку проданного товара, и складу, и все, что получает энергичный, предприимчивый коммивояжер.

— Торговля — это дело! — говорила леди Оливэр. — Она необходима нашей стране!

И Джимми помогал торговой стране, не забывая при этом себя.

Все 4 года после окончания школы Джимми торговал.

Сперва он работал продавцом в магазине скобяных изделий Плэтта; затем взялся продавать книги. На старом фонде, нагруженному книжками, он издала весь район ядою и по перек. Жители стали даже поговаривать, что достаточно пополнить свое образование, — кому нужно там много книг?!

Однажды Джимми продавал курс, вскоре масличных искательниц на витрине «Ц». Но в конце концов произошел скандал, которому способствовала позиция в газете известительная заметка. В ней говорилось «о некоем молодом, известном в наших краях коммивояжере, который продает курс с лекарствами внутри. Конечно, яица от этих кур, — говорилось дальше в заметке, — должны обладать способностью излечивать ревматизм, катаркт, головные боли и болезни цирковидной железы...»

После этого Джимми вернулся в скобяной

магазин, в свободное время подрабатывая прядильщиком и дезинфектором «Олд Тэр».

Но настало тяжелое время. Фермеры не могли продать свой урожай. Люди ходили голодные, безденежные. Скот кудах, падал...

Старый джимми форд стоял в сарае со спущенными шинами, потому что цена на бензин здорово повысилась. Правительство потребовало о сокращении урожая. Фермеры говорили, что не могут понять, каким образом может страна идти к восстановлению, ничего не сея, как это советуют газеты. Когда приезжали коммивояжеры, то фермеры говорили, что ничего не могут купить, пока не проладят свой урожай по причине засухи, и коммивояжеры уезжали несолоно ласвиши.

В один из таких мрачных дней Джимми увидел объявление о съезде в Индианополисе съезда коммивояжеров. Он не стал терять времени, получил рекомендательное письмо от фирмы Плэтт: «Джимми Рэндал является лучшим коммивояжером района...» — и известил все прочие фирмы, что он Джимми Рэндал, будет представлять на съезде коммивояжеров местный рынок.

— Я считаю, — говорил он леде Оливэр, — что этот съезд поможет мне связаться с большими фирмами. Посторите, как я буду тогда торговать! — кричал Джимми. — Я буду продавать все! Все! Я приведу страну к богатству...

...И вот, наконец, настал день открытия съезда.

Первая фраза десятиминутной речи Джимми была произнесена при язвом одобрении всех съездов:

¹ Речь идет о каталогах универсальных магазинов.

— Все в порядке! — вскричала Джимми. — Все абсолютно в порядке в нашей великой стране!

Тысячи коммивояжеров встали со своих мест, и мощное «Ура!» потрясло здание, где проходила сессия.

— Мы должны, — продолжал кричать Джимми, — пойти к народу и продавать товары, которые ему нужны, которые лежат сейчас на складах, переполняют железнодорожные станции, барикадируют пристани, — он понизил голос. — Друзья мои, мы воспалили свои эгоистичные, жизни наших семей, которые дороги нам, нашей благородной профессии. А нас обвиняют в том, что мы вызвали кризис и депрессию, продавая слишком много! Мы должны возвратить это обвинение тем, кто волочил его на нас! Перед нами огромная задача — поставить нашу великую страну на ноги!

Все присутствующие вновь встали и разразились бурей оваций. Джимми продолжал:

— Друзья, есть целый мир вещей, которые нужны нашему народу! Ему нужно молоко, ему нужны ботинки, ему нужны шляпы, пальто, костюмы, чтобы прикрыть тело от негра и лондона. Ему нужны книги, музыкальные инструменты! Да, радио, телефоны! Ему нужны новые дома, печи, паровые котлы, ледники, скрипки, альбомы, занавески! Друзья мои, есть целый мир вещей, которые нужны мужчинам и женщинам в этот день, в этот час для их счастья и процветания. У миллионов людей нет собственных автомобилей, саней, велосипедов, дач. Я хочу сказать, что эти вещи надо вытащить из складов и продавать... Да, сэрь, мы должны поддерживать американский уровень жизни... Но люди зарабатывают недостаточно для жизни, не говоря уж о роскоши. Миллионы работают за пищевую плату... Миллионы находятся без работы, состоят на общественной помощи. А какова эта общественная помощь?!. Как можем мы торговать, если народ не может покупать того, что мы ему предлагаем? Я прихожу к заключению, сирь, что люди не смогут покупать наши замки-модели, кинотеатры, аэропланы, пасхальные яйца до тех пор, пока они не станут жить прлично, как должны жить все американские граждане... которых наша промышленность смогла бы дать все товары в избытке... которые верят в прогресс... И мы должны помочь им!..

Джимми Рандл замолчала, ожидая аплодисментов.

Но аплодисментов не было.

Наоборот, из дальнего конца зала поднялся громкий смех, который усиливаясь, приближался по рядам, затем раздался гром криков, затих рев...

Коммивояжеры вскакивали на стулья, смеялись, махали руками, топали ногами...

— Выбросить отсюда этого проклятого сумасшедшего сына со всеми его штуками!..

Кто-то встал на стул и закричал:

— Друзья, дадим ли мы этому сопляку скобрать наш американский флаг и наши американские порядки!..

Голова у Джимми закружилась.

Появился полисмены. Грохот, словно от молочных фургонов, разъезжавших по утрам, стоял в зале...

Вскоре газетчики на улицах кричали: «Экстренный выпуск! Экстренный выпуск! Коммивояжер — большевики!!!» — и газеты раскупались, раскупались, раскупались...

Перевод с английского
Юрия Смирнова

ВЕЛИЧАЙШИЙ ПАМЯТНИК

фигуры Ленина и Сталина для кабинета Волга-Москва.

12-летняя работа над образом Ильича легла на основу грандиозного памятника Ленину. Если взмотреться в скользящие эскизы, загромождающие полки и столы мастерской, то повсюду видны изображения Ленина.

— У меня тут собрана целая армия Лениных, — говорит удмуртесь С. Д. Меркуров.

И вот результат этого много летнего, упорного труда — фигура Ленина с протянутой рукой.

Мастерская скульптора. На стенах, на полу, на столовах слепки человеческих торсов, голов, рук. Одна из стен сплошь занята масками величайших людей разных эпох. Скульптор Меркуров снял маску самого себя, Альбина Дворянинского. Сеидорова, Фрэнса. Жалько пытались скульптор запечатлеть каждую черточку этих дорогих лиц. Невдалеке от этой стены я вижу памятник 26 бакинским комиссарам. И тут же рядом, модель Дворца советов. На вершине этой модели стоит, притянутая вперед, фигура Ленина.

Пять лет назад, когда был объявлен вскрайний конкурс на статую Ленина для Дворца советов, скульптор С. Д. Меркуров сделал первые этюды из этой статуи. Лучшие мастера скульптуры добились здесь частичной записи самого величайшего памятника. Это право предоставлено С. Д. Меркурову, представившему в прошлом году лучший вскрайний проект.

Еще в 1924 году начальник С. Д. Меркуров работал над образом Ленина.

Первый день этой работы запомнился ему навсегда. 30-градусный мороз, Горки... Голова Ленина, застывшая на белой подушке, изменилась.

Следующего дня С. Д. Меркуров добился возможности лепить живого Ильича, но Ленин все отказывался первый сеанс: не было времени.

Тот когда-то пришел к Ильичу,

— Тихо, — сказал

Надежда Константиновна Крупская скульптор, когда он на

издевательски отказался от кнута, лоб

Ленина.

С этого дня Ленин стал главной темой творческого труда С. Д. Меркурова.

Бесконечное число раз лепил он фигуру Ильича, пытаясь найти в каждом случае новую форму для выражения сущности Ленина. За эти годы С. Д. Меркуров создал множество ленинских блесток, скульптур, памятников.

И в каждой работе Меркуров стремился к более совершенству.

Скульптор создал памятник Ленину в Твери, статую

Ленина-мраморную для Музея

Ленина и, наконец, 30-метровые

скульптуры из гипса, изображающие

величайшего памятника: узловую

платформу Ленина будет величиной в 4 метра, общим объемом 32

метров, голова Ильича — диаметром в 14 метров. Сложность работы заключается в том, что нельзя механически увеличивать полуметровую модель в 200 раз. С увеличением размеров отдельных частей это

становится невозможно: памятник узловую платформу Ленина будет величиной в 4 метра, общим объемом 32

метров. Поэтому давнейшая работа будет иметь таким образом:

есколько увеличивается, сначала до 1 метра, затем до 2%, до 5, 10, 20, 50, 100, 200, 300, 400, 500, 600, 700, 800, 900, 1000, 1200 метров и, наконец, находит

единственное первое размер. Общая высота здания Дворца советов будет 420 метров, 100 метров этой высоты отданы памятнику Ленина.

Это будет памятник величайший в мире. Высота самой зданий скульптуры превысит высоту Колосса Родосского — 30 метров.

Современные крушение памятников не приводят своей величиной Колосса Родосского. Памятник Ленину на Дворце советов будет в 3 раза выше самых грандиозных статуй, когда-либо воздвигнутых на земле.

Размеры отдельных частей этого грандиозного памятника: узловую

платформу Ленина будет величиной в 4 метра, общим объемом 32

метров. Статуя Ильича — диаметром в 14 метров. Сложность работы заключается в том, что нельзя механически увеличивать полуметровую модель в 200 раз. С увеличением

размеров отдельных частей это становиться невозможно: памятник узловую

платформу Ленина будет величиной в 4 метра, общим объемом 32

метров. Поэтому давнейшая работа

будет иметь таким образом:

есколько увеличивается, сначала до 1 метра, затем до 2%, до 5, 10, 20, 50, 100, 200, 300, 400, 500, 600, 700, 800, 900, 1000, 1200 метров и, наконец,

единственное первое размер. Общая

высота здания Дворца советов будет 420 метров, 100 метров этой высоты отданы памятнику Ленина.

Эта работа еще впереди, но главное уже сделано — найден простой и сильный образ Ленина.

Выступление В. И. Ленина на заседании Центрального комитета партии (кадр из фильма «Ленин в Октябре»).

«ЛЕНИН В ОКТЯБРЕ»

В. ШКОЛОВСКИЙ

Ления описан Горьким. О Ленине есть поэзия Владимира Маяковского. Сохранились рисунки и скульптуры, сделанные с живого Ленина. Ленин помнят многие современники. Звук ленинского слова, его движение на трибуне, высокий приятный голос, ясность мыслей и речи, простота и скромность в быту.

Лучшее о Ленине в поэзии — поэма Маяковского. Маяковский не стала своей задачей показать самого Ленина непосредственно: он показывает Ленина в счастье и горе народа. Поэтическое произведение, при всей силе своих изобразительных средств, и не должно пытаться заменить собой скульптуру и живопись.

Однако Ленин остался довольно многочисленным объектом изображения. В разные времена, когда кино было технически чрезвычайно бедно. Говорят, что многие из них сняты не на 16 и 15 кадров, а на 14, то есть в единицу времени, секунду, сделано только 14 снимков.

Эти куски неоднократно входили в кино-ленены о Ленине. Неоднократно их включали в звуковые киноленты, где они демонстрировались на 24 кадра. Это устроистко движение, ускоряло ритм.

Таким образом, киноленты, которые мы видели, тоже не давали нам подлинного движения Ленина.

Очень трудно воссоздать образ Ленина. Советское искусство давно постасало перед собой эту задачу.

Дело Ленини со смертью его не прекратилось.

Ленин лежит на Красной площади, его мож-

но увидеть. Памятник над ним — наша трибуна. На этой трибуне стоит товарищ Сталин. Перед этой трибуной проходит история. В нашу эпоху у людей, сделанных Ленинами, у людей, судьбы которых определены его гением, Ленин — живое имя, живой образ.

Поэтому в дни праздника двадцатилетия Великой Октябрьской социалистической революции все в нашем искусстве сосредоточиваются вокруг попыток дать народу образ живого Ленина.

Ленин со своеобразием своего движения, Ленин — человек горячего и спокойного вдохновения, человек, не ставший преградой между собой и другим человеком, герой, прокинувший без предстада, герой, не умерший для сознания, современником очень труден для актерского сопровождения.

Актер Б. В. Щукин — великий мастер.

По физическим данным своим: по росту, ширине груди, по складу черепа — он не напоминает Ленина.

Щукин начал работу свою над образом Владимира Ильича, пытаясь собрать все то, что сохранилось в портретах и в кинолентах. Это были различные фотографии, отражающие ответственность работы. Уверенность работы Щукина позволяла не только его одного и его сопровождающей по фильму: Щукину стремились помочь самые неожиданные люди. В разгар работы над ролью пришел неизвестный юноша, чье лицо коллекционировавший портреты Ленина, и предложил автору свою коллекцию.

Портрет закрепляет характерную свою коллекцию. Но между моментами, выбранными для портрета, лежат годы, лежит целая человеческая жизнь.

Щукину минутами трудно двигаться от одной ленинской позы до другой. И все же necessary, чтобы образ Ленина на экране получился. Получился герой, не думавший о себе, возвращавший в себя волю михалонов. Появление Ленин в картине поражает отсутствием торжественности.

Удача Щукини так велика, что она несколько заслонила собой несомненную удачу режиссера Михаила Ромма и сценариста Каплера.

Все горение, все напряжение фильма сосредоточено в сценах, где Ленин нет на экране, режиссер сидит позади Альфреда Оханауска, просматривает, недавно досмотрев, увеличенную четкость ленты, увеличивая полновесность образа Ленина.

Сюжет сценария простой.

Через несколько дней, во время, предсказанные пролетариата. Старый мир осужден. Но есть еще старое государство, оно еще сила, оно может еще совершать преступления, оно может вредить людям.

Это одушевление того, что мертвый мир может породить живых, создает напряженность действий, создает простоты и доходчивыми до зрителя сюжетами.

Мы видим Ленина в его непоколебимой уверенности в будущем.

Мы видим рядом с ним Сталина, партию, рабочий класс. Они превращают будущее в насточество.

Мы видим Ленина на заседании ЦК, когда он трогает штейнбергов Октября. В звуке

КРЕМЛЕВСКИЕ ЗВЕЗДЫ

Ю. ГРАЧЕВСКАЯ

Арест Временного правительства (кадр из фильма «Ленин в Октябре»).

его голоса презрение и ненависть к представителям Троцкому, Каменеву и Зиновьеву.

Ленин реально видел Ленина. Поэтому мы должны говорить здесь не только об удаче народного артиста Б. В.Щукина, но и об удаче всего народного советского искусства.

Образ Ленина в фильме замечателен тем, что мы испытываем ощущение взаимодействия между вождем и народом. Мы чувствуем, как дорог Ленин народу, как неразрывно во всем спаяны он с ним. С какой бережностью относятся к Ленину каждый рабочий!

В ленте мы видим то, о чем писал Маяковский:

«Он земной,
но не из тех,
кто глязом
уширается
в свое корыто.
Землю
всю
охватывая разом,
видел
то,
что временем закрыто.

Он, как вы
и я,
совсем такой же,
только...
может быть,
у самых глаз
мигает
больше нашего
морщинки кожей,
да насмешлиней
и тверже губы,
чем у нас.

Не сатанья твердость
триумфаторской колеской
мнущей
тебя,
подергивая вожжю.

Он
к товарищу
МИХАЕЛ
ЛЮДСКОВ АЛСКОЙ.

Он
к врагу
встал
железа твержю.

В. И. Ленин на квартире у рабочего Василия (кадр из фильма «Ленин в Октябре»).

Из окон друга моего
Я вижу свет кремлевских звезд.
Куранты бьют двенадцать.
Ночь...

пакрыла крыльями снега.
Иварье...

В далеком январе,
В морозном скованной ночь,
Трещали

риющие kostры.
Стекласа дымы по мостовым
И деденсан провода

На отворенных столбах.
В касличных тубах,
В башмаках

Столы люди до утра...
Но, пачи выпрямив, страна
Рымдые скомкалa

И вновь
значена подняла свои.
В походном френче человек
Над праком друга и велика
Покалас

Знани в чистоте
Череп сражения прости.
Он клачу выпошана:
Страну

к просторам счастья
он привел,
Ес он к свету повернула
И закона се в броню...
...Куранты бьют двенадцать.

Ночь...

пакрыла крыльями снега.
Седые сал в карауз
у манозел стали

Ночь...
Иварскии утром
У Кремля
Сойдется все,

кого народ
В свои правители избра:
Язут в одельных шкурах,
Тюрк,

казах
в мокнатой шапке,
Иса

Из Крима девушка
весипу
в цветастых шалах привезет.

Они войдут в просторный зал
И будут говорить
О том,

как сделать жизнь
еще светлей,
И будут думать,
где еще каналы новые прорвать,
Как плодородней сделать степь.
И будут бережно чертить
Пути

Моей большой страны.
...Из окон друга моего
Я вижу свет кремлевских звезд.

Водитель наших кораблей
Нас научил
Веде

неграда
Держать по этии звездам курс
И не спорачивать назад.

ЛЫЖНЫЙ ГОНЩИК

Он запаха нагретого прошлогоднего дерева, сажи Ленинцев закрученных голов. Длинные сапоги вились, какими лягши, у него в руках кротко выпущены мутомы. Паяльная лампа гудела. Синеватая пластина тугой струей выпалась наружу. Воздух был напитан смолой. Дмитриев зажег альмак между коленей, и сияя струя огня пересекла по гладкой, шелковистой поверхности дерева. Дерево дымилось, чернеяло, легкая пыль пропускала впереди своих пор.

Лежнев стоял на крымской. Пунтистый, розовый снег окружал его. «С крымкой путь без альм, словно в воду без юдни... — подумал он. Сверя по альмам, потом по коленам, потом...» — Лежнев заморгал глаза: так ясно представлялось ему погружение в снежную пучину.

Его угнетала первая слабость. За дерево гудел бас Дмитриев. Как завидовала Лежнева мочегому спокойствию этого человека! Многие годы Дмитриев не знал, что значит выражение: «Своя голова». Но разве снег в борбке с пространством в состоянии сердца? И каждый раз он выходил на старт словно широкий — склонный, молодой...

Альмы раскрылись, и альмы, словно для стрельбы, воинствовали в сугроб.

— Вана, вана! — проругал Дмитриев. — Попробуй склонение.

Альмы, склонившись, сошлись с врагом. Его звонко ОН пахло снегом.

Лежнев обежал вокруг дома. Альмы склонили как по бархату. Он снова вернулся к крыльцу и ворот опустил, как теплый волна прихвачивал к щекам. Он радостно вдохнул легкий морозный воздух и с облегчением почувствовал, что уловил запах парного молока, то есть, когда всегда он опушка в мышах радостность поднялась.

Ребята вышли на крымскую, шуртыво перекрестились, на ходу обтирали альмы.

— Ну, как склонение, Ваня? — проругал Дмитриев, и, перехватив повеселевший взгляд своего ученика, сказал последнее. Ну, то-то, еще, гадал моя пропинка.

Они динулись турбою и скрылись за холмом.

В это солнечное утро со всех сторон стекались к судейской блея альминские команды. Альминский клуб «Восток», состоящий из четырех человек. Альмы взаимогревали на поворотах. Мягкие стволы сосен, бронзовевые от смолы и соланицы. Снежная пыль щекотала губы. Лежнев не мгновение увидел в стороне группы альминцев, карабкающихся на подъем, красный хвост флагов извиваясь за ними.

— Вот она, дистанция! —крикнула Лежнева.

Ребята, как по команде, повернули газоны и еще стремительнее бросились вперед.

У судейской базы то липались свыше сотни альм. В сугробах сидели торчали альмы. Продолжали исподволь.

Представители команды, словно часные у конюхов, стоярники коленные гончные мутомы и широкие могучие тлемарии. Гончики, щеголевато и ловко слетели в широкие шаровары, короткие куртки и широкие шапки. Красные воровские шапочки с длинными козырьками, украсившие отгадывавших конкурентов.

Команда клуба «Восток» встала на самую гущу, и почти сразу же альминки начали тянуть номера.

Выигнутый номер в немалой степени предполагал результаты соревнований. Но Лежнев знал, что абсолютного хордовых номеров не существует. Дело в том, что альминские гонки проводятся раз-

личным стартом. Пустить сразу сто, а иногда и больше участников невозможно. Поэтому альминки с интервалами в полминуты. Разница во времени между стартерами и последними номерами измеряется десятками минут. Гонщик, идущий средним или последним номером, может так и не догнать тех, кто впереди, а во временах оказаться победителем.

Каждый участник соревнований стремится к тому, чтобы стать самой новинкой впереди. Это было тактическое преимущество.

Лежнев втянулся номер 40. Терьер он, затянувшись, ждал результатов забега Дмитриева и молодого свердловского гонщика Сергея, которого он даже не знал в лицо.

Лежнева знобило от нетерпения. «В конце концов я тоже хочу быть первым», — подумал он. Несколько раз он вспоминал Сергея, вспоминал побоище Дмитриев. В руках у него было номер 30, и Лежнев снова испытал прилив сил, как это всегда утром. «Вот бы Сергеев втянула тридцать шесть!» — подумал он. Но засек его налевом не оправдалась: молодой гонщик, как и предполагал ему Дмитриев, выткнулся переднее колесо.

Забеги вончались. Главный судья, румынский великан, прокричал с крымской в рупор: «Завтра в воскресенье!»

Началась раздача. Стакины уходили команды в разные стороны, нарочито небренно по рожками пахнули.

В этот момент Дмитриев отменил все тренировки. Альмы были разбросаны по тренировочной базе, а Лежнева, Григорий Григорьевич, визирь альминской команды, встал под звон дзвона колокольчики сторожки. Он знал эту аккордологию потребности малыхоньких гонщиков — перед самим соревнованием постыть на альмах, словно для того, чтобы еще раз увериться в своих силах. А снег нужен был для завтрашнего утра.

Конек, или ушаста, на обсуждение дистанции Дмитриев разнесся на старт трехкратной.

Красная нить легла на карту альмовой пустыни, но каждым из командам знал, какие крутые подъемы и стремительные спуски ждут гонщиков на этом километровом кругу. Каждый при себе имел книжка эта превратилась на пять. Длина дистанции — пятьдесят километров.

Они сидели кружком у карты — и сплошной карея Сивонен, высокий на альмах, и Петр Альмин, только второй год находящийся в альминской команде. Они внимательно слушали дядю Колю, «старика», как называли гончих своего тренера. Дмитриев стоял у карты с альмной палкой в руке.

— Ну, вот, ребята, мы на старте, — и он провел стальным наконечником чету у того места, где начиналась красная нить. — Номер коров, на старте.

Лежнев встал, взял палку из рук Дмитриева, заинтригованно, с трудом подняв руки, склонился:

— Гонку называют двухланочный финским ходом. Стакину дыхание. На втором километре перешли на русский ход и бегу семистометровым подъемом поднимутся. Отдыхают на трехсотметровом спуске. Из озера проходит километровым подъемом. На третий километр — круговой спуск в пятсот метров. Восстановляются пропущенные на маленькой скорости для того, чтобы вымыть каток бы двести метров свободного скользения. Затем пойдет равнина на три с половиной километра. Главная задача — пройти это пространство, сохраняя запас сил для самого трудного участка. Второй километр ходом, на конец за них два километра склонного склона. Я испытывала эту расстояние для оттака.

Лежнев с трудом скривился с облегчением. Ему сказали сразу все, начистоту. Ему не хотелось обманывать своего учителя. Он давно уже решил пройти гонку по-своему. Он не знал, что такое стартовая база. Дмитриев требовал от своих учеников безупречного тактического понимания. А гонки его состояли в том, чтобы постепенно вводить организмы в работу. — Не пугайтесь в начале гонки пропустить вперед себя двух или трех конкурентов, — говорил Дмитриев своим ученикам. Но я отстегнулся на последнем круге.

Но все дело в том, что тактика эта была хороша для двухланочного финского хода, которым бегал Дмитриев, которым он учил бегать свою команду. Лежнев знал, подчинясь тренеру и Дмитриеву, что такое финский финский ход.

Было еще темно, когда поднялся Дмитриев. Надевая что-то под ноги, он настутила на свою линялые пластины ходят на почесывая римскую шевелюру, на цепочках как вышла в сени.

— Готовы альмы, старик, — подумал Лежнев.

— Может быть, предупредить его? Ведь он от меня ничего не скрывал...

Лежнев вскочил, быстро оделся и вышел вслед за тренером. Кладовая была открыта. Дмитриев сидел на корточках и подсыпала на прямые альмы масла. Усыпив шаги, он обернулся и пробурчал:

— Чего поднялся в такую рань?

Несколько часов они возились с альмами маслом, пробуя на снегу разные составы.

— Ох, тоное это дело, — альмы масла, тоное дело! — бормотала Дмитриев.

Он священодействовала и была первая горничная.

Лежнев старался, рассказывать ему все, но слова застревали у него в горле. В левый часута утра команда клуба «Восток» выскользила на место старта.

Норвежский ход.

Амазинки толпились у базы. Мороз за ночь успелся. Представители команд накидали пальто на плечи лидеров. Подъезжал автобусы и машины, высаживая зрителей. Сотни номеров отсыпалась снегом.

Один за другим шли старт и уходили по склону холма в лесу гонщики. Двадцатым числом Сапонов, двадцать третьим Лещинский. Выезжал на старт Дмитриева. Он удрученный Лежнева, махнул рукой и, косою передвигнувшись, покебка. Лежнев искал в толпе Сергеева, так и не увидел его.

Выйдя старт, Лежнев, вместо того чтобы перейти на трассу, остановился, покашлив, легкими обрывистыми вздохами, рассекавшими короткими, с ноги на ногу. Остудившая зарасте обдуманный путь, Лежнев из всех сил рванул вперед. На плюсовых километрах он оставил позади себя девять номеров и выиграл у второго национального Дмитриева четырьмя с половиной минутами. Таков был его путь: на первом же кругу обогнав своего учителя, сбив его с темпа, заставил отаться от национального гонщика.

Но этот путь мучил Лежнева. Ведь Дмитриев был его учителем! Он воспитан из молодого паренка первоклассного гонщика! Для года тренировок его Дмитриев таскал за собой, знакомил с техникой и тактикой больших гонок — и вот теперь?

«Ощущение неподвижности подстилки было настолько сильным, что Лежнев остановился. Но как раз в этот момент за деревней показалась спина будущегопереди амазинки. Инстинкт гонщика толкнул Лежнева вперед. Вспомнили были Дмитриев. Он шел не спеша своим любимием, двухколесным холом. Началось подъем. На склоне росло кривое, узкое, скошенное дерево. А дальше? Началось спуск до склонной, то боком. На деревне склоне Лежнев наигнал его. Услыхавшие подали себе повиновение амам, Дмитриев оглушнулся и обомлел.

— Это ты? — прокричал он и лицо его исказилось гневом.

Но в следующее мгновение Дмитриев, вероятно, понял, что лицо он уже не тренер, рассердивший неодушевленную ученицу.

Ну, что ж, если еслай смилии зватит! — и он пропустил Лежнева вперед.

Тот хотел что-то сказать, извиниться, обяснять, но кругой спуск оторвал его закрытые, бросила вину и он, растерянный и чём-то униженный, еле не издал огромный всхлип. Быстро, схватив в пояс, шагало шагом, шагом. Вперед приятно обдавало разогревенное лицо, и Лежнев вышел к судейской базе, обогнув на склоне еще двух амазинок. Начался второй круг. Снова легким норвежским шагом.

гом прошел Лежнев километр и, почти не забывая темпа, взял семисотметровый подъем. Легко и ритмично дышала грудь, все тело пультировало в одном ритме, но учинившееся вспышки в глазах не мешали видеть. Видеть же было бы, говорил о себе, скользкая синяя в слезе. — О чём может быть речь? Ведь я первый молодой амазин, который побьет Дмитриева. Что же тут плохого? Не я побью, так Сергеев. Должен же когда-нибудь Дмитриева пронагратить...»

Но перед глазами у него стоял отгорченное лицо старика и этот жест, с которым он прошел мимо Сергеева.

Сколько же у него вспыхнуло? — подумал Лежнев. — Минута шесть? Как быть дальше? Узнавший прошел Экономитон синяя? Хватят ли их на весь дистанцию? Ведь старик так просто не сдается...»

Первые десять километров Лежнев прошел в короткую четверть минуты. Он услыхал, что пришло время, когда требовалось мимо спускаться вниз. Тогда он вдалеке только оглянулся, пребыв впереди и увидел у горизонта вспышку времени Дмитриева.

Легко и ритмично перекатывались с ноги на ногу, Лежнев шел всю дистанцию. Это было еще одной неиссякаемостью для амазинов «Бостока». Тайкоук от всех тренировалась Лежнев, изучая послание виновнику амазинской техники. Прошли эмоции в ухом азах Соколовиной мимо: можно было встретить белого медведя в синем плаще. Над ими подсмеивалась даевая сова.

Его амазин был неизолюм, прерывист. Но скоро Лежнев разобралась в секрете нового стиля. Основная нагрузка перенеслась на ноги. Руки и туловище только помогали работе ног. Ведь мышцы ног лучше разместили руки, значит, так и нужно строить движения. Вот и было дело, что Лежнев, несмотря на короткую ногу, в том, что он виновник Соколовиной, не испытывал холода. Началось спуск по-кому-то старой традиции Дмитриева — с первого же круга взять быстрый

И вот теперь Лежнев чувствовал, сколько сил он сберег, пользуясь норвежским ходом; почти половина дистанции позади, а он смехом сошел с места!

Когда он выскочил на опушку горного асса скундуковиной краиной, то увидел У Дмитриева искаженное лицо, которое засияло минуту! Только в начале третьего круга разбралась Лежнев в этих двух, налетев подавленных цифрах. Значит, Сергеев, идущий где-то позади, все отстает от него. Снова впереди было десять километров хода, прежде чем он сумеет

выиграть время своего молодого конкурента. Он голова темен. Пот как-то сразу залыпала. Он на ходу стянул склонную рубаху и бросил ее в кустарник. Вот снова крутой склон горного леса.

— Ну, как Сергеев? — прокричал он, на мгновение задержавшись у секундометра.

После двадцати выигрывает у тебя звезды секунды.

Это всегда так называлась Лежнева, что он сидел в кабине у Дмитриева. Только наизусть четвертый круг и выбежал на озеро, он спросил у мурзинского зверя клубного болельщика:

— Ну, как старик?

Больевицкий посмотрел на него сердито.

— Зарезал ты старика. Пихнешь как мельчье, ругнешь, в садь не хочет.

Снова острая жалость колыбала сердце Лежнева. Но вдруг у него в голове мелькнула мысль: «Сядь к концу четвертого круга Сергеев сядет, тогда...»

В конце четвертого круга он усыпал, что мурзилка снедевшая, которого он так и не увидел ни разу, не выдержала темпа гонки и умерла. Он пронес ее в кабину, снял с нее перчатки Дмитриева, снял с себя четырех минутную шапку, снял с нее синяя скорость. Ему стало холодно, и он, подхватив со снега оброненную руночку, остановился и затянулся ее на плачущую. Когда он взбирался по лестничному склону, он увидел внизу тяжелого учителя. Лежнев не спеша поднялся на плащадку. Там, впереди, черными мурзиниковыми буквами было написано: «Была красная лента. Она привезла с собой синяя». Там же, на плащадке прописала мысль: «Оттеснила плащиками — и там первым!». Но он медленно, подняв ноги, поднялся на плащадку. Надо было вылез на плащадку и, увидев Лежнева, удивленно проговорил:

— Ну, чего застрия, мальчишка, никак ламы сюмса?

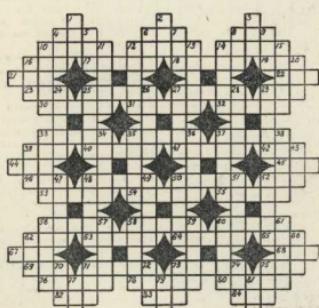
Он прыгнул мимо, окликнув его пристальным взглядом с ног до головы и уже сделав два первых шага по склону, но в этот момент кругу затормозил и полез наверх.

— Ты что это задумал, ламон? — прошипел он, тяжело отдуваясь. — Никак хочешь подаришь мне первое место? А ну ка, катись вниз! — и он хлопнул Лежнева по плечу, отвел в сторону и поднялся на плащадку.

Лежнев хотел задержаться, чтобы что-то сказать, но амазук неудержимо рвался по шековистому склону. На какую-то долю секунды он словно потерял сознание от этой скорости обрушившейся на него тучи стальной ветра. И прежде чем он успел опомниться, толпа амазинов приветствовала победителя...»

КРОССВОРД

Составил А. Фрей

ЗНАЧЕНИЕ СЛОВ ПО ГОРИЗОНТАЛЯМ

4. Соняца винной пальмы СССР.
6. Геометрическая фигура.
8. Вершина для винограда.
10. Красивая птица.
12. Единица железнодорожного подвижного состава.
14. Биение крохотного сосула.
16. Красивый цветок с длинными листьями.
20. Суда, 17. Миченов, 18. Заменитель римской историке, 19. Женское имя, 20. Плавильный цех, 21. Красивое место.
23. Род в Киргизии.
27. Олемж, 29. Гора в РСФСР.
30. Страна в Азии.
31. Драгоценный камень.
33. Приводящий, 34. Островского.
35. База, 37. Карась.
39. Астрономический.
40. Типичные спутники.
41. Типичные спутники.
42. Герой горы Родиши.
44. Планы всеми в устах речи.

45. Чистый амбар.
46. Жабоба, обращавшаяся к суду.
48. Установка для просеивания.
50. Французская комедия в Африке.
52. Подземный дикий в золе.
53. Заяц.
54. Кантон.
55. Хайнань.
56. Красивый цветок.
58. Гора в Альпийском императоре.
60. Чистый скелет.
62. Стальство.
63. Нижесказ.
64. Красивое место.
65. Красивое место в древнем Египте.
67. Изумруд.
68. Птица.
69. Азиатская бухта.
70. Согласованность.
75. Река в СССР.
76. Помощник в корабле.
78. Садовый замок.
49. Нарисованные картины.
51. Домашний питомец.
53. Электроника на века.
54. Герой греческой мифологии.

ЗНАЧЕНИЕ СЛОВ ПО ВЕРТИКАЛИ

1. Торнадо, синоптическая тропика.
2. Часто земля, южнотайваньский трайв.
3. Тоннельный крепеж.
4. Миченесин.
5. Речные водопады.
6. Правильный многоугольник.
7. Азиатская моря, 8. Французские моря.
10. Северо-восточный Азия.
11. Муссонные ветры.
12. Красивое место в Азии.
13. Красивое место в Азии.
14. Морской разбойник.
15. Английский стихотворческий писатель.
16. Негородской, 17. Красивое место в Азии.
17. Красивое место в Азии.
18. Красивое место в Азии.
19. Красивое место в Азии.
20. Красивое место в Азии.
21. Красивое место в Азии.
22. Красивое место в Азии.
23. Красивое место в Азии.
24. Красивое место в Азии.
25. Река в Азии.
26. Нагорье.
27. Оксид алюминия.
28. Красивое место в Азии.
29. Огнестойкое, растение.
33. Дендроидентификация.
34. Газ.
35. Правоохранительный орган.
36. Красивое место в Азии.
37. Красивое место в Азии.
38. Река в Азии.
39. Озеро в Северной Америке.
41. Плавающий остров.
45. Плавуторов в Азии.
49. Гард-парти-

30. Участник освободительной борьбы из Кавказа против царизма.
32. Тетрадный захватчик.
33. Красивое место в Азии.
34. Водопад в Азии.
35. Красивое место в Азии.
37. Вид растительности.
38. Птица.
39. Имя одного из трех тружеников страны.
40. Птица, 41. Дендроидентификация.
42. Дерево.
46. Зебра.
47. Удобрение.
51. Чистый воздух.
52. Красивое место в Азии.
53. Красивое место в Азии.
54. Красивое место в Азии.
55. Красивое место в Азии.
56. Красивое место в Азии.
57. Вид растительности.
58. Птица.
59. Имя одного из трех тружеников страны.
60. Птица.
61. Красивое место в Азии.
62. Дерево.
66. Зебра.
70. Удобрение.
71. Чистый воздух.
72. Красивое место в Азии.
73. Красивое место в Азии.
74. Красивое место в Азии.
75. Павлин.
77. Синий лес.
78. Красивое место в Азии.
79. Чистая земля.
80. Морской животин.

- Решения кроссворда на адрес: Москва, 40, ул. «Правда», 24, комн. 716, отделения почты «Синий лес», в отдел кроссвордов.
- Факсимиле творческой группы, имеющей право на использование решений, будут опубликованы.

ШАХМАТЫ

ЭТИ КОМПОЗИЦИИ РЕШАЛ В. И. ЛЕНИН

Задача № 62
Д. И. Ульянов

Белые, начиная, дают мат в два хода.

«Получи свою задачку, я чую, что «раззадорился» на шахматы, — а то было совсем все перевороты... Задачку твою я решил легко...»

(Из письма В. И. Ленина брату Д. И. Ульянову. 1910 год).

ЧИТАТЕЛИ «СМЕНЫ» — МАСТЕР ВЕРЛИНСКИЙ
Игра обостряется

В партии, игравшейся на «Смене» в мастером СССР по шахматам Б. М. Верлиńskим до 15 января сделаны следующие ходы:

Белые: читатели: Б. Верлиński.
1. e2—e4 67—e5
2. Kgl—f3 Kbl—c6
3. Cf1—c4 Cf8—f5
4. c2—c3 Kg8—f6
5. d2—d4 e5: d4

Разыгрывается один из четырех вариантов так называемой «шахматной партии». Это старинный дебют, встречающийся уже в итальянских рукописях XVI века (отсюда и название дебюта). Идея избранного белыми варианта —

Задача № 63
О. Вирцбург

Белые, начиная, дают мат в три хода.

«В начале 1922 г., перед боевым полем, когда В. И. отходил в Гархах, я, чтобы немного развлечь его, давал ему некоторые задачки. Он решал их поразительно быстро. Помню, ему особенно понравилась следующая трехходковая...»

(Дм. Ульянов «Из воспоминаний о В. И. Ленине»).

М. И. ЧИГОРИН

В январе текущего года исполнится 30 лет со дня смерти талантливого русского шахматиста Михаила Ивановича Чигорина (1850—1908 год).

Огромно и ярко заслужено имя Чигорина. Его не смогут забыть бескультурье царской России и поклонение наследия из «простонародья». Чигорин завоевал всемирное признание. Партни его поражали необычайной сложностью изысков этого мира, имена которых открывались до сих пор применением кружка и обложки, которая была способа создать не разрешавшись властями.

Как образец игр Чигорина приводим окончание партии, сыгранной им на турнире в Нью-Йорке (1889 год).

Положение после 20-го хода белых:

Белые (Поллок): Kpg1, Fd4, Ael, H, C3, p. a2, e2, c3, f2, g2, K3.

Черные (Чигорин): Kgb8, Fd7, A2, e8, Cf5, p. a7, cb, c7, d5, f7, e7.

Последовало: 20. ... Cf5 : h3
21. g2 : h3 Le8 : e3 22. Ael : e1
Fd7 : e3 23. Le1 : e2 Le3 : e2
24. Al1 : b1 Le2 : e4. Белые сдались.

РЕЗУЛЬТАТЫ НАШЕГО
15-ГО КОНКУРСА

17-й КОНКУРС «СМЕНЫ»

Редакция «Смены» обывает конкурс на решение шахматных задач и этюдов, которые будут помещены начиная с настоящего номера № 3 журнала включительно.

За решение двухходовых участнику конкурса будут зачитываться 2 очка, трехходковий или это же — 3 очка, четырехходковый — 4 и т. д. Срок приемки решений — 5 недель со дня выхода номера.

Кроме двух композиций, помещенных выше, в первую серию конкурсных задач входит также следующая задача, составленная нашим читателем В. Левиным (Москва).

Задача № 64

Белые, начиная, дают мат в три хода.

Решения («Смена» № 12 за 1937 год)

Задача № 60. 1. Kd3+ — f4+
Kre2 : f2 2. Kf4 : h3+ Kpf2 : g3
3. Ke3 — f5+ и т. д. Если 2... Kpf2 — e2, то 3. c7 — e8Ф и т. д.
И. Водопад (Москва), Ю. Ющенко (Киев), Г. Цетан (Омск), Р. Мартынов (Картополь), М. Легтарев (Орджоникидзе), Р. Попов (Москва), А. Поплавлюк (Ленград), И. Рейнис (Череповец), А. Павлов (Москва), Н. Димитров (Албания), Г. Гравинский (город Горкий), В. Гравинский (ст. Ясиноцат), Е. Тимченко (Харьков), А. Пятаков (ст. Причерноморская).

Редакция премировала перечисленных читателей шахматной литературой.

Задача № 61. 1. b7—bK Af1 : gl 2. Kb8 : d7 — и неизвестно от ходов черных последует 3. Kd7 — c5 и 4. Kc5 — e4X. На 1... d7 — d5 белые играют 2. Kb8 — cb и т. д.

Результат конкурса, обявленного на решение этих задач, будет напечатан в следующем номере.

СОДЕРЖАНИЕ

- Сергей Острогорский — 21 января (стихи). Новый год (статья). Андре Маларо — Бой у Тертуля (отрывок из романа). Лев Рубинштейн — Шпион (отрывок из романа). Проф. М. П. Баскин — Что такое коммунизм? (статья). А. Васильев — Борьба китайского народа (статья). М. Гольдберг — В Москве, на концерт Революции. Николай Альбрехт — Всемирный Богданович (статья). А. Суров — Великий советский поэт (статья). В. Елагин — Максимов — Некрасов и царская цензура (статья). Н. Павленко — О Сусаниме Стольском (статья). Дениз Старобин — Коммюнике (рассказ). В. Шкаловский — «Ленин» в Октябре (статья). Ю. Греческий — Кремлевские звезды (стихи). В. Викторов — Алтайский горщик (очерк) — Заметки об интересных книгах. — Литературный календарь. — Шахматы. — Кроссворды. Рисунки художников И. Грингитеиня, А. Шульца, В. Горенса. Фото И. Фигурова, П. Новицкого, И. Гущина. На обложке: На Красной площади ночью, фото И. Гущина. На обороте: Альбомы: В Центральном парке культуры и отдыха, фото Гайдара.

Ответ. редактор В. А. Герасимова Зам. ответ. редактора М. Л. Гольдберг Адрес редакции: Москва, 40, улица «Правды», 24, тел. Д 3-34-24

Сдано в набор 28/XI 1937 г. Подписано к печати 20/I 1938 г. Изд. № 80 Формат 72 × 110 см. 4 печ. л. 98 000 экз. в печ. л. Техред. Л. Шуман Заказ № 2816 Тираж 45 000

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Цена 1 рубль.

